

Слово о современниках

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

ПУСТЬ В ДУШЕ БУДЕТ ЛАД О Василии Белове

Литературная традиция окрепла на вологодской земле еще в XIX веке - начиная с Константина Батюшкова. В прошлом веке она была связана с именами Александра Яшина и Сергея Орлова, Сергея Викулова и Николая Рубцова.

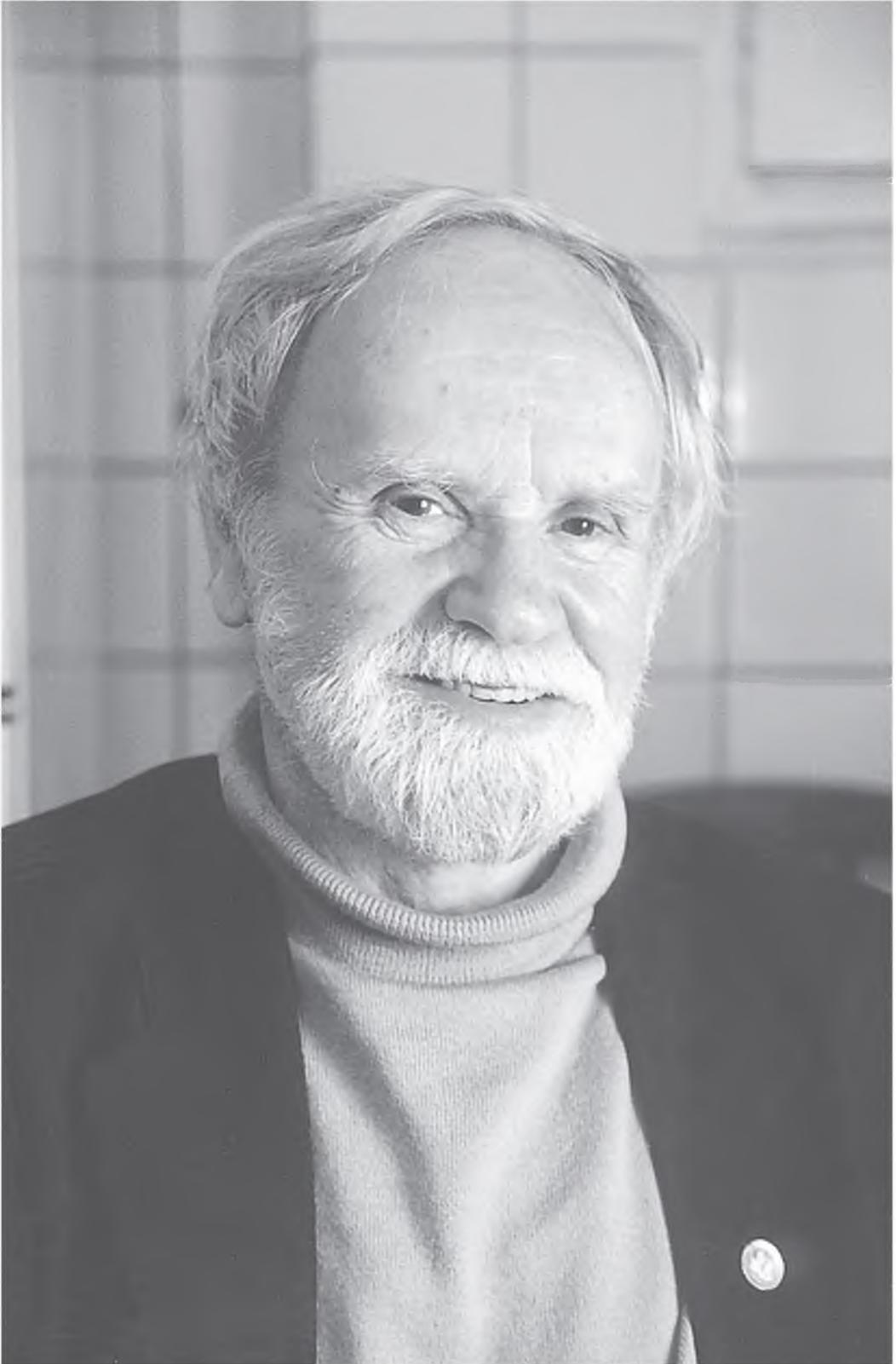
Не ослабла она, традиция, и в новом, третьем тысячелетии. Одним из самых ярких ее представителей на нашей земле и во всей России был и остаётся Василий Иванович Белов.

«Было бы странным, - писал Владимир Солоухин, - если бы вологодская земля не породила такого своего сына, который мог бы и умел бы рассказать нам про всю её красоту, про весь лад жизни на ней, про всю её духовность, всю её боль. И она такого сына породила. Выбор пал на белоголового синеокого мальчика из рядовой деревни Тимониха, которому и поручено родной землей и родным народом нести нелегкий крест её певца, её выразителя, её заступника. Это имя сегодня известно... Его зовут Василий Белов».

Василий Иванович работал в разных жанрах. Кроме рассказов, повестей и романов, у него написаны и драматургические произведения. По пьесам «Над светлой водой», «По 206-й», «Александр Невский», «Бессмертный Кощей», «Семейные праздники» поставлены спектакли в крупнейших театрах страны.

А начинал он со стихов. О них теперь редко кто вспоминает, а зря. В них много у него ранних и поздних прозрений:

*Издалёка, сердцу наказанье,
Отголоском детства моего
Я пронес одно воспоминанье
В первозданной свежести его.
В год, когда отца бесповоротно
Увела судьба в шальной огонь,
За полпуда ржи сыромолотной
Мать купила старую гармонь.
И дивились бабы: «Ой, Анфиска,
Ум-то, видно, с горя прожила,
В женихи не скоро ребяташкам,
А она гармонию завела».
Я старался горе пересилить,
Утирал под носом рукавом.
Голосили бабы, голосили:
«Пятерых оставил на кого?
Ни здоровым больше, ни калекой
Не откроет двери, не придет...»
Но несчастье с радостью от века*

Василий Иванович Белов. Фото архиепископа МАКСИМИЛИАНА

*Под одною крышею живет,
 Доставал гармонь я из комода,
 Уносил её на косогор
 И в густой траве, у огорода,
 Подбирал упрямо перебор.
 Той поры суровое наследство
 Осмысляя, память вороша,
 Всё больней с годами рану детства,
 Всё сильнее чувствует душа...*

Любовь к родной земле и к своему народу во все времена, выпавшие на его долю, заставляла писателя обостренно и даже болезненно чувствовать ответственность за всё, что происходит с его земляками в Тимонихе, с нами - в Вологде и России, с миром - на планете.

Его книги переведены на многие языки, а в книгах этих, написанных на земле нашей, вологодской, он рассказывает миру о нас и о жизни нашей на Заповедном Русском Севере. И радость его, выраженная в слове, и боль за всё происходящее на малой родине понятны и людям, живущим на разных континентах.

...Это было удивительное утро в деревне Тимониха. Утро после вчерашней бани и после крепкого сна в беловском доме. Было хорошо нам. Хорошо было и ему - среди знакомых звуков и запахов деревенского лета.

О чем думалось ему у порога родительского дома - неведомо... Здесь, в родительском доме, хозяйство ведет сегодня его младшая сестра Лидия Ивановна. Он очень любит её. И она ему во всем помогает.

Тот, кто родился и вырос в деревне, тот понимает, как желанно оно и как до боли пронзительно возвращение в оставленный однажды дом и ко всему, что в нем и что вокруг него... И сколько бы лет ни прошло вдали от Тимонихи, и сколько бы гроз над ней ни отшумело - память вновь и вновь возвращает его к родному порогу.

Возвращает, чтобы, отдохнув после дальней дороги, снова пройтись по речным низинам и приземистым угорам. Дойти лесными тропками до малиновых делянок и сенокосных полей. Посидеть на родовой меже и помолчать у памятных с юности околиц. Окинуть взором подернутые дымкой дали и услышать в небе песню незабвенного жаворонка.

«...Смешное детство! Оно вписалось в мою жизнь далеким неверным маревом, раскрасило будущее яркими мечтательными мазками.

В тот день, когда я уходил из дому, так же, как и сегодня, вызванивали полевые кузнечики, так же лениво парил надо мной ястреб, и только сердце было молодым и не верящим в обратную дорогу.

...Я иду чёрной лошадиной тропой...

Мне кажется, что я слышу, как растет на полях трава. Я ощущаю каждую травинку. С маху сдергиваю пропотелые сапоги и босиком выбегаю на рыжий песчаный берег. Снова стою над рекой и бросаю лесные шишки в синюю тугую воду - в эту прохладную русалочью постель - и смотрю, как расходятся и умирают водяные круги.

Тихая моя родина.

Ты всё так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной. Но будет ли предел тишине?!

...Шумят невдалеке сосны. Шелестят березы.

И вдруг в этот шум влетается непонятный нарастающий свист. Он разрастается, заполняет весь этот тихий зеленый мир.

Я смотрю в небо, но серебряное туловище реактивного самолета уже исчезает за горизонтом.

Как мне понять, что это? Или мои слезы, а может быть, выпала в полдень скудная соленая роса?..» (из рассказа «На родине»).

...Ему было четырнадцать лет, когда он написал свою первую автобиографию. Это было сразу после войны.

Тогда ему «есть хотелось непрерывно, даже во время сна, но все равно жизнь казалась хорошей и радостной. Еще более удивительной и радостной представлялась она в будущем...»

В книге «Лад» есть раздел под названием «Жизненный круг». В предисловии к нему Василий Иванович пишет: «Человек меняет свои возрастные особенности незаметно для самого себя, последовательно, постепенно (вспомним, что и слово «степенно», иначе несуетливо, с достоинством, того же корня).

Младенчество и детство, отрочество и юность, молодость и пора возмужания, зрелость и старость сменяют друг друга так же естественно, как в природе меняются, например, времена года. Между этими состояниями нет ни резких границ, ни взаимной вражды. У каждого из них имеются свои прелести и достоинства...

Всему свое время и свой срок...»

Читаю дальше: «Ритм - одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частности была ритмичной. Любое нарушение этого ритма - война, мор, неурожай - лихорадило весь народ, все государство. Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались и на жизни всей деревни.

Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность. Можно говорить о дневном цикле и о недельном, для отдельного человека и для целой семьи, о летнем и весеннем цикле, о годовом, наконец, о всей жизни: от зачатия до могильной травы...»

Василий Иванович так мудр и светел. Он уже прошел почти все возрастные состояния и о каждом из них сказал свое слово - всерьез и с юмором.

У него - Василия Белова - жизнь крутится вокруг родового дома, а счастье её измеряется понятными для всех живым теплом, исходящим от дома, и благодарной памятью о своих предках - близких и далеких. И еще - своей личной ответственностью перед ними.

Для него были и остаются святыми:

мать, давшая жизнь и благословившая на счастье;

дом, вместивший в себя всю Вселенную;

земля, и сегодня дающая силы жить на ней и работать - даже через боль, даже через не могу;

семья, хранящая огонь родного очага;

вера, освящающая жизнь от первого её дня до дня последнего;

Отечество, в судьбу которого вплетена и судьба каждого из нас и без которого, не войдя в его историческое пространство, невозможно понять и свое предназначение на земле и осознать на ней себя Гражданином России.

И, конечно, свято и бережно относился Василий Иванович к русскому слову и всегда боролся за его чистоту.

Говоря о себе, Василий Иванович постоянно вспоминает мать:

- Своей литературной деятельности я обязан матери. И всему прочему. И язык. Язык! И не только, конечно, матери, но и отца я вспоминаю. Язык в основном от матери...

В книге «Лад» о слове он напишет так: «Что значило для народной жизни слово вообще? Такой вопрос даже несколько жутковато задавать, не только отвечать на него. Дело в том, что слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (а может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло...»

Да, владеть словом - дар Божий.

Василию Ивановичу Бог дал такой дар. Дар счастливый, но невероятно трудный и ответственный. И только он знает, чего ему стоит нести этот жизненный и духовный крест.

В одном из своих интервью писатель сказал: «Я грешный человек и не боюсь признать свои грехи и исповедуюсь. И жена моя, Ольга Сергеевна, - тоже верующая. И потому мне ничего не страшно. Я человек верующий...»

Мир писателя - это космос. А центр космоса для Василия Ивановича, конечно, там - в Тимонихе.

Это столица его души. И как бы его деревня ни была удалена от главных столиц мира - именно в неё из многих столиц мира сегодня пишут люди и спрашивают, как жить дальше и что будет с планетой.

Не нас, заметим, спрашивают, а его - нашего земляка и современника.

Из Москвы, правда, спрашивают реже, но очень часто пишут соотечественники из разных уголков необъятной России - ближнего и дальнего зарубежья.

По его деревне, Тимонихе, по самочувствию его харовской округи можно понять и то, что происходит сегодня в стране и мире, можно судить и о том, что происходит в этой жизни и с нами, россиянами.

А у деревни, где он родился и вырос, уже не пахут и не сеют. Да и сама деревня без помощи «мира» (в его русском понимании) вряд ли сможет выжить. Даст Бог, поможет ей выстоять и возродиться имя её выдающегося Гражданина - русского писателя Василия Белова.

Но нет уже рядом с сыном его мамы - Анфисы Ивановны. И у него самого сил теперь на всё не хватает.

И храм, восстановленный им, стоит одиноко, и дорога, ведущая к нему, ногами прихожан до звона не выбита. И дом свой содержать уже трудно. Годы свое берут...

Кабинет писателя в его деревенском доме в Тимонихе. Фото Марины и Андрея Кошелевых

Счастлив ли он? Не знаю. Наверно, счастлив. В рассказе «Душа бессмертна» он размышляет: «Еще не пришла земная усталость, еще переполнены зеленой кровью деревья и травы моей родины. И речка наша чиста, и совесть моя, когда я ныряю, вернее, падаю в отраженное омутом небо.

«Когда это было?» - спрашиваю себя и чувствую пустоту вопроса, его несоразмерность моему состоянию. Не было, есть. Сейчас! Никуда ничего не исчезло...

...В моем доме звучит «Осенняя песнь».

Осознанно и глубоко чувствую ощущение счастья. Откуда оно, счастье, когда... Не надо спрашивать. Может быть, счастье сквозит в лесной осенней свежести или источает его янтарь болотной морошки...

...Великое счастье иметь просто друзей, а у меня, кроме этой музыки и этой зеленой родины, есть мать, жена и дочь, и сестры, и братья. Пусть они далеко от меня, но они рядом. Я слышу и вижу всех.

Затоплю баню после усталой ходьбы, как затопили свои бани трое соседей.

Я настолько счастлив, что по запаху различаю сосновый, березовый и ольховый дым...»

Это трудное счастье русского писателя.

За спиной у него годы самозабвенного и вдохновенного труда. Годы творческих мук и гражданских подвигов.

И это не высокие слова. Это правда его жизни и судьбы.

Ведь сколько сил, кто скажет, было отдано им в мирное время борьбе - именно в борьбе! - за землю русскую во второй половине прошлого века (чего стоил только один проект поворота северных рек на юг!).

У писателя Василия Белова свой взгляд на жизнь. У него свое мнение о прошлом России.

Своя у него и боль о настоящем, и своя выстраданная дума о будущем.

Слава Богу, он не сдаётся и сегодня. И сегодня он своим присутствием и словом мудрым придает нам силы, а примером личным вдохновляет уже нас на защиту и обустройство русской земли - от Калининграда до Владивостока и от Сочи до Мурманска.

Его беспокоят часто - по поводу и без повода.

Его спрашивают обо всем. Спрашивают в поисках ответа на вечные российские вопросы - как быть и что делать? Ему звонят домой. Его останавливают на улицах. Ему пишут письма и шлют телеграммы. От него ждут ответа. От него хотят слышать пророческое слово.

К нему, если хотите, и вызывают, как к пророку. А пророков в родном Отечестве, как вы знаете, не было вчера (хотя их было много), нет их сегодня (это потому, что мы не верим пророкам своего Отечества), но, даст Бог, на земле нашей они будут и мы их наконец-то услышим и, услышав, пойдем за ними.

Они, к счастью, и сегодня живут рядом с нами. Ими, истинными пророками, земля наша русская еще не обеднела.

И жили-то они всегда рядом с нами. И зывали-то к нам, грешным. О нас, несчастных, и думали. За нас, простодушных и продажных, и на Голгофу шли. Порой от нас же они и страдали, от нас, близких по крови и духу.

И сегодня страдают...

У него много единомышленников. Но много у него и противников, если не сказать - врагов. Ему в жизни тяжелее, чем нам. Тяжелее уже потому, что имя его - Василий Белов!

И он, старясь понять себя и нас и пытаясь нам и себе помочь, вправе рассчитывать и на понимание самого себя нами - его современниками.

Понимаем ли мы его? Слышим ли мы его слово? Чувствуем ли боль, словом этим высказанную? Осознаем ли, с кем живем рядом, и ценим ли время, на долю нашу выпавшее?

Хорошо, что пока рядом с нами живет человек, которому было дано Богом выразить через слово мир, себя и нас, живущих рядом с ним.

А слово его дорогого стоит...

Давно ли праздновали его 75-летие? Кажется, что вчера.

Тогда в словах, обращенных к нему, люди отмечали главное - деятельный и созидательный патриотизм. В трудное для России и для каждого русского человека время - в тревожное и драматичное - писатель являл пример беззаветного служения Отечеству.

От каждого из нас, людей разных возрастов, судеб и профессий, зависит ли, и как скоро, мир и покой, лад и согласие в наши души и дома.

И сегодня остается открытым вопрос: сумеем ли мы, и как быстро, обустроить по-хозяйски справно и по-русски ладно наши старинные города и села, возделывать заново заброшенные пашни и дать рост новым лесам.

И сегодня, помня о том, что еще «всё впереди», мы в одинаковой степени все ответственны и за то, что было вчера, и за то, что делаем сегодня, и за то, что будет завтра.

Ответственны мы и друг перед другом, ответственны и перед самими собой, ответственны и перед историей многострадального Отечества.

И, может быть, весь драматизм нашего переломного времени Василий Белов, как никто другой, и чувствует острее, и переживает глубже.

О его эпическом полотне «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой» о драматической судьбе русского крестьянства поэт Александр Романов написал: «Я, уже знавший от своей матери страшные истории раскулачивания и всякого местного бесовства, казалось, мог бы и поспокойнее воспринимать беловскую трилогию, однако она втянула меня в такой круговорот событий, что я позабыл и самого себя. Трилогия - это такое художественное постижение судьбы русского народа, что трагизм истин, раскрытых писателем, остерегающе поучителен и для всего человечества...»

Может быть, сегодня и мы, как никогда раньше, начинаем по-новому осмысливать тот удивительный по силе и красоте характер русского человека, того самого человека, который был и остается главным героем произведений Белова.

И тех произведений, что уже написаны, и стали явлением русской литературы, и тех, что задуманы и пока находятся в работе.

В них искренне и красиво проявляет себя душа русского человека - народа - труженика и воина, народа, к которому все мы, к счастью, пока еще принадлежим.

«...Павел повернулся к угору и взглянул наконец вперед, взглянул открыто и жадно.

На угоре, оттененная синим небесным разливом, высилась еще бескрылая мельница. Желтовато-янтарная её плоть, объединившая сотни перевоплощенных древесных тел, была так осязаемо близка, так дорога и понятна! В то же время мельница опять удивила его. Будто рожденная неожиданно, она посылала ему свой поклон, свою благодарность за то, что он создал её, вывел из небытия.

Высоченная, стройная, она похожа была на старинную рюмку: тот же тонкий перехват в середине. Только уж больно громадна. И не прозрачный хрусталь светился на солнце, а спокойная, источающая смолу, теплая древесная плоть. Большой, но как будто игрушечный сруб, крытый двускатной тесовой крышей, покоился на нисходящей на конус клетке.

...Делу еще не видно конца...

Павел воткнул топор в чурку, крикнул: «Ничего... Всё-таки много сделано. Мельница-то стоит! Стоит, хоть пока бескрылая! Придет час, оживет, стронется... Ветер зашумит, пойдет строчить».

Он живо представил эту будущую, самую счастливую для него минуту, когда

зашумит воздух в широких крыльях-махах, заскрипит и все стронется. И так глухо ударят песты, и с мягким шорохом зашипят жернова, будут давить, перемалывать сухое зерно родной земли. Мельница оживет, замашут шестеро могучих широких крыльев.

Всё будет! Всё до последней мелочи...»

Не знаю, что нас ждет там, «впереди», но вслед за писателем мне хочется верить: «Всё будет! Всё до последней мелочи...» Но при одном, конечно, условии, если «в душе будет лад!..».

В трудное для России время характер писателя всегда проявлялся особенно ярко.

А лучшие его черты - трудолюбие и отзывчивость, добрососедство и терпение, мужество и гостеприимство - он, сохранив в себе самом, смог талантливо передать их и через героев рассказов, повестей и романов. И всерьез, и с присущим русскому человеку юмором.

А не это ли, согласитесь, самое главное и бесспорное в жизненной философии Василия Ивановича Белова?

И не это ли главные духовные и нравственные опоры и скрепы человеческой жизни. И нашей жизни, и жизни наших детей, внуков и правнуков.

Хватило бы только у нас, современников писателя, сил сохранить эти живительные духовные опоры нашего бытия, и укрепить надежные, веками проверенные, нравственные крепки земной жизни, и подготовить себя, явившись миру на русской земле, к жизни вечной - жизни будущей...

На Валааме. Фото Валерия Страхова

Ольга Александровна Фокина

Ольга Фокина: «ПРОСТЫЕ ЗВУКИ РОДИНЫ МОЕЙ...»

1. НА БЕРЕГУ ДВИНЫ. Лето 2007-го

Над Верхней Тоймой вызревал июльский полдень. С лентой, застывая в зените, растекалось над головой нежаркое солнце. В прибрежном парке буйствовал мятежный ветер.

Я стоял на крутом, почти отвесном берегу Северной Двины и пытался окинуть взглядом необъятное пространство её поймы, изрезанной синими протоками. Подо мной открывалась одна из них, похожая на морской лиман с песчаными отмелями и островами, заросшими диким кустарником.

Русло самой реки скрывал откос. Он, как ледорез, рассекал Двину и скрадывал из неё по весне большую воду, отводя её в боковой рукав, по-здешнему - полой. Из-за откоса изредка доносились озорные гудки юрких буксиров и натужные - тяжеловесных барж, груженных круглым таёжным лесом.

По земляной набережной гуляли с детьми праздные горожане, вернее - гости-отпускники, приехавшие из больших городов навестить родителей и набраться сил на целебном воздухе.

День выдался по-июльски звонким и высоким. По берегу метался порывистый ветер, да такой сильный, что я всякий раз захлебывался им, когда он неожиданно набрасывался на меня спереди и я не успевал от него увернуться.

Ветер продувал меня насквозь, и рубашка за спиной пузырилась и судорожно трепетала.

Мне было хорошо стоять на берегу и чувствовать неистовый напор упрямого и неугомонного ветра.

За спиной шумели пчелиным роем старые березы. Упругий ветер налетал на их статные кроны, и кисейные ветви, как занавески на окнах, отлетали в сторону от стволов, готовые оторваться от них и, сверкая чистой после грозы листвой, вымыть в бездонное небо и радостно парить в нем над синевой двинских разливов.

Внизу, под головокружительной кручей, на широкой речной заводи рябила и переливалась маслянистая вода, будто зашел поутру из Двины косяк заблудившихся рыбок, и засверкали они на солнце золотистой чешуёй, и захлопали по воде серебристыми плавниками.

Шквальный ветер по-ястребиному хищно срывался с крутого откоса и птичьей тенью стремглав проносился по синей глади, оставляя на ней испуганную рябь, которая то высыпала на поверхности ледяным ознобом, то мгновенно и мирно гасла, и на месте её снова ослепительно плескалась незамутненная синь.

От берега к песочным отмелям вразброс тянулись отдыхающие. Вода едва доставала им до колен. В руках они несли обувь, детские спасательные круги, авоськи с продуктами. Сверху купальщики были похожи на черных бабочек, порхающих над тревожной водой.

Сажусь на освободившуюся деревянную скамейку и, подставив лицо ветру, любуюсь с песчаного обрыва светлыми далями, распахнутыми на все четыре стороны света.

Мне еще не верилось, что я добрался до родины Ольги Александровны Фокиной.

2. О ПРИРОДЕ

Можно даже представить, о чем ей думается здесь, где «небо - светло-высоко, где поле - светло-широко». Можно и предположить, что вспоминается ей, когда она порой оказывается на этом заветном для неё берегу и растворяется в звонком пространстве

«этих огромных и прозрачных, только из света и воздуха - летних дней», торжествующих буйной зеленью и вездесущим ветром.

Еще в далеком детстве на этих берегах она искала «неведомое средство, чтобы стать - в реке рекою, в птичьем хоре - птичьей песней». Тогда она даже не могла и помыслить, что однажды сможет оставить эти «земляничные угоры над речонкой с пескарями».

А теперь, оглядываясь на прошедшие годы, у неё остаётся одно-единственное желание - «всласть надыхаться родиной».

Для неё Северная Двина - река-труженица. Она никогда «не рядилась в пёрышки парусов». Её в прежние годы украшали «плоты, как заплаты». «О разливах её и плёсах золотых» даже «в народе мало песен поётся». Непонятно только - почему: «то ли люди не видят её красоты, то ли слов, чтобы спеть, не находят». Наверно, всё-таки не находят слов.

Ольга Фокина упорно и без усталости ищет их всю жизнь. Ищет, как трудолюбивая пчела ищет нектар, и находит, чтобы поведать своим землякам, как река-кормилица по-женски тихо и смиренно успевает «росою обильной всласть наплакаться за короткую ночь июля».

Здесь, на её берегах и на берегах речки Корбанги, поэтесса не раз признавалась: «Но я - дитя моей реки». Она даже «на обрыв-берегу хорошо себя чувствует». Природа здесь разговаривает с ней «губами облаков и голосами птиц».

Только здесь, на родной земле, и может она, уединившись, до конца слиться с природой, раствориться в ней и почувствовать её живую душу. Этому её учил еще отец, пока не ушел на фронт. У отца «для природы милой лишь одно было имя - Мать».

«Природа-мать повелела ей любой язык понимать», и она, верная и природе своей - поэтической, понимала его. Да и как было не понимать, если её в детстве «луг своим клевером и щавелем от смерти спас». Только в её, «природы, тенетах», она и «живет вольно». Она «природы естество любит всей душой» и потому в мире лесов и лугов «не-любимой не бывает». Она всем сердцем искренне откликается на «откровенье природы», потому и «в крови её - брусничный сок и сок берёзовый».

У деревьев, как и у людей, свои характеры и судьбы.

Ольха «цветет тихо и скромно», но характер у неё - «чисто золото».

Берёзу поэтесса любит «за характер русский». Вот поэтесса, горем опечаленная, стоит у срубленной берёзки и закликает исходящий соком корень: «Живи же, корень, // Я буду стеблем! // Я продолженье // Твоё живое, // Твое цветенье // С твоей листвою...» Когда и в самой «всё гибнет и вянет», «поднять и спасти» может только «берёзовый сок». Для неё он как «самое лучшее средство от всех пороков». Стоит только «к милому берёзам щекой прижаться, поцеловать берестяной краешек», испить целебного сока, и будет «снова всё хорошо, как раньше».

И у ивы тоже доля женская. И она, как вдовья солдатка, «всё вынесла» на пути своём. И она по характеру - «живучая и могучая» - ничего, что «все зовут - плакучею».

Для неё и «черемуха за старым огородом // единственная память об отце». Отец перед войной «садил её, // чтобы пел на ней скворец, // чтобы ягода родилась. // Пригодилась...».

Это отцовская черемуха, а сколько их «при дороге выросло // взошло, где птица вытрясла!»

Поэтессе и в лесу каждый кустик и каждое деревце сродни. Потому она, «наводя в лесу справедливый порядок», и «берёзкам по-приятельски кивает, и с осинками по-дружески дрожит». Она и к черемухе, «тихо запевая», обращается, как к живому существу:

*Попахни, черемушка,
Родимой сторонюшкой,
Лежалой солонушкой,
Шершавой коровушкой,
Метёною улочкой,*

*Осевшим крылечиком,
Прошедшим и будущим
Теплом человеческим...*

Она пытается хранить «родные родники», завещанные отцом, чтоб вокруг них всегда «было солнечно и звёздно». Хранит, чтобы иногда можно было, «ничего не жалея на свете, без пути и без цели скакать по лугам», чтобы, уезжая из родимого дома, всегда был повод сойти с поезда, спохватившись, что на родине опять «осталась незавернутой родниковая вода».

3. О ДЕТСТВЕ

На берегах этих северных рек прошло детство Ольги Фокиной. Здесь всё напоминает о нём: каждый куст придорожный, каждый омут речной и каждое дерево под окнами деревенских изб.

*Что я помню?
Зыбку возле печки...
Это было, было, было, было!..*

В очерке «Наследство чудо-родины» критик Василий Оботуров пишет: «В творчестве Ольги Фокиной память - сквозная тема». Читаешь её стихи и постоянно убеждаешься в том, что «памяти подвалы на то они и есть», чтобы не давать ей ни минуты покоя. «Запасы памяти» её неиссякаемы. Память то и дело возвращает поэтессу к порогу родной «избы, этой дымной, печной, лучинной», в которой «начало» её мира.

В нём, «не карточном доме», который был «весь - ввысь», прошло её детство. Оно тоже время от времени «пробирается» к ней «на печь и не только «во сне». Но только во сне возвращается к ней отец: «Тятенька! Боже!.. Плача проснулась: нету родного...»

Как хлопотала она по дому, как старалась, «вытирая лавки, приступки, стол, вынося мусор», чтобы улучшить момент и «робко попроситься: «Отпусти меня, мама, в школу!» Она и сегодня чувствует себя виноватой перед старшим братом, потому что из-за неё, принятой в первый класс, он вынужден был «школу оставить».

Разве забудешь, как «качала в зыбке братишку» и как потом, бережно «зажав в кулаке», несла из лесу «на радость маленькому брату десяток первых земляничин». Но слишком рано им, детям, опаленным войной, «взрослой жизни груз упал на плечи трудно поднимаемым бревном».

А куда денешься от запахов детства! Один - добрый «запах довоенных дней», другой - голодных лет. Тех страшных лет, когда «собирала по деревне куски» и видела «глаза подававших людей». Ходила по миру, потому что «умирать было страшно». Она всю войну не слышала, как «пахло теплым молоком и свежим хлебом». Но как бы ни было трудно, она благодарна судьбе за то, что «раньше ломтя мякину-солону знавало дитя».

Память её на всю жизнь сохранила и запах «розового мыла». Это тоже запах военного детства. А какие запахи у пробуждающейся весной земли! Они и сегодня будоражат её воображение и пробивают до слёз!

*Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевернутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни медом, ни луком...*

4. О ЗЕМЛЕ

Эта земля для Ольги Фокиной, как и для всех нас, родившихся в деревнях, была святой и таковой останется до конца дней наших. Её «прадед (а «наши прадеды - со Дона казаки!») от рожденья до гроба полил потом и кровью эти загоны». А дед ей «завещал поле с житом и рожью, // боровые приметы, // луговые остожья».

Уж кто-кто, а она, Ольга Фокина, по судьбе матери и по своей собственной судьбе знает, что где ей, земле-матушке, «тяжело», там и «детям её достаётся не легче». Она-то знает, что «не залижет морская волна, то родная земля исцелит».

Ты - без асфальта, и я - босиком,

Ты - из-под снега, и я - после стужи...

От неё, «лоскута отеческой земли», и радость её, от неё - и печаль светлая, от неё и думы тревожные. О ней и воспоминания - светлые и горькие, наяву и «в радужных снах».

Вспоминая, как за срезанные колоски милиционеры «забирали тетку Полинаху», она, будучи девчонкой, спросила у матери: «А лучше - воровать или просить?» (кусочки-то у добрых людей она просила ради себя и младшего братика). На это мать ей ответила так: «Лучше - до смерти работать». Так, помня материнский наказ, дочка и «живет, на миру не горбясь», так и работает, не помышляя об отдыхе.

Так и работала, чтобы однажды, держа ответ перед земляками, могла сказать им, живущим в краю, «которым сама живет и дышит», и ответствовать перед собой («Не предала ли края отчего, живя от отчего вдали?»):

Может, я на те края

Право заслужила.

И речонку, где пырей

Ладит переправу,

Я смогу назвать своей,

Может быть, по праву...

Нет, порой «нужно и можно жить вдали от «чудо-родины» - для неё же, для «чудо-родины», и жить (В. Оботуров). Ладно, что на земле родной «нам еще верят», как хорошо, что на ней «нас еще ждут».

5. О ДОМЕ

На этой земле стоит и родовой дом, однажды оставленный ею. Дом, в котором она «росла на полу некрашеном», а «пол её был бел, бос и гол».

Ольга Фокина счастливее многих из нас уже потому, что дом её жив и стоит он в живой, слава Богу, деревне. Страшно представить, если бы его не было. Нет, лучше и не представлять.

Александр Романов однажды на миг представил и в ужасе записал: «Если бы по каким-то обстоятельствам дом в Петряеве оказался разрушен, то и я очутился бы сразу нравственно разорённым и психически убитым. Я бы просто перестал существовать...»

Вот такая у него, родительского дома, животворящая корневая система и такое у него целительное энергетическое поле. Без него и наша жизнь сразу обесценивается и, разрушаясь, теряет прежний смысл («С ним - жива, без него - смерть»).

Ольга Фокина так и не стала городской. Она как была крестьянкой, так ею и осталась: и по мироощущению, и по душевному складу. А стержневое в её мироощущении - «единство жизни с народом, среди которого она выросла, вместе с которым еще маленькой девочкой переживала трудности военных лет» (В. Оботуров).

Она и в городе жила и постоянно живет томительным и сладостным ожиданием встречи с родным домом или близкими ей людьми. Зная, что брат собирается в гости, она просит его из гостинцев привезти не разносолов деревенских, а «горстку содонгского сена»: «Привези мне сена, Вовка!.. Поддержи, братишка, пламя, только пламя не гаси!..»

К порогу родительского дома она приходит до сих пор, приходит «за сказкой, за приветом, за лаской, за советом, за шанежкой домашней, влюбленностью вчерашней...». В нём жить было «весело и песенно», когда была жива мать и «когда дети росли». Вьюжной зимней ночью у дома и «бревна поют, как под смычком, и крыша гудит - колоколом». С его крыши и «видно далеко, и далеко слышно». К нему, «ничьих советов не спросив», она бежит из города «полями родной Руси» и знает, что «из самой верткой круговерти придет домой - не утонет» и в дороге не пропадет.

*Пойду, царапну иней,
Осторожно подышу,
Как полено в печку кинет
Мать, счастливо погляжу...*

*Это брата рукавицы..
Вот и он - через порог,
В инье шапка и ресницы -
Ездил за сеном, продрог.*

*...Оторвусь от мерзлой рамы,
Пообщаюсь с голыком,
Двери настезь:
«Здравствуй, мама!
Здравствуй, самый светлый дом!»*

Он светлый и добрый, дом её детства. В нём и душа после городских передрыг у неё встает на место. Только здесь, в родных стенах, она и сама приходит в чувство и возвращается к самой себе. В нем даже с «лавками и окошками», даже «со столом, под который ходила пешком», и то хочется поздороваться.

Ей было семнадцать лет, когда она, учащаяся медицинского училища, твердо и уверенно сказала себе и заявила миру:

*Я - никто? Это ложь:
Я - сильна и вольна!..*

6. О МАТЕРИ

Тема дома и рода, тема матери, а через неё и женской доли - это святые, но одновременно и болевые темы в творчестве Ольги Фокиной.

Мать была «красива не внешнею, а глубинною красотой». Она была «добра, но горда», а на руках у неё к войне было «пятеро» детей: «кормилец - в могиле, малец в подолу». Она одна из «братства овдовевших солдаток», на которых в войну и после войны «стоял на ногах колхоз». И сегодня трудно понять, «что давало ей силы суметь, спровоцировать, сноровить». Как и у других сельчан, была её «биография вся на виду - дом, соседи, родные, друзья». Как и её сверстницы, однажды, когда дети выросли, и она осталась одна в родовом доме: «вся я одна сегодня, вся я одна вчера».

Мать из того «особого народа», который и сил набирался, и спасался тем, что жил «по совести, по чести». Она и дочку так воспитывала и «растила себе в подмогу, жалея, любя, не браня». Она, как и любая мать, переживала за неё и предостерегала «в низине родившуюся», что «на крутом берегу все дороги круты». Она «беспокоилась за неё и боялась»: «не заплутала бы» дочка без материнского пригляда. Но не могли уже их, деревенских девочек, «не вразумить - ни мать, ни Богородица», потому что им всем тогда так «хотелось уехать» учиться и жить в большие города - подальше от дома.

Дочка была уже в том возрасте, когда её настигали «внезапные стишки: с ходу, складно, наизусть!». Она уже «писала стихи на ходу», когда «варила, мела, стирала и пела». Она, сидя у окна общежитской комнаты (рядом только «лампа да книга, перо да тетрадь»), уже с родившейся в душе строчкой вглядывалась «во мрак заоконный». Тогда она могла уже сказать:

*Мелодию - люблю!
Мелодию - ловлю!
Мелодии велю
Остаться на бумаге...*

«Что кому на роду написано»: ей Бог выбора не оставил - «что досталось, сменить нельзя». И уходила дочка из дому, чтобы вдали от него среди городского люда «стать человеком». Уходила, оставляя кому-то - «уже навсегда? - сенокос, землянику, малину».

Но уже скоро, вкусив и столичных благ, её стало неодолимо «влечь обратно домой - «в человеки». Её ли одну?

А мать, проводив дочку в чужие края, жила с постоянной надеждой: скоро ли дочка приедет в гости? Не ленилась и «в шубейке старой, в валенках больших» за три километра ходила к телефону: «не позвонит ли дочка из района?». А гости в доме уже давно бы по всем приметам должны быть: вот и «паук спустился с лампы», и «угольки из печки - к гостям».

Оставив мать в деревне, дочка мечтала только об одном: порадовать мать и хоть как-то её, всю жизнь не знавшую ни сна, ни отдыха, отблагодарить. Кажется, ради этого она и жила, и стихи писала. Она так хотела, чтобы любимая мама смогла однажды «додумать не додуманное в будни, // додремать недоспанное // и нудное, болящее - унять...».

Она, приезжая домой, чувствовала, как ей раз от раза всё труднее оставлять мать одну в опустевшем доме. Перед отъездом что-то властно удерживало её у порога, как только она к нему через силу «кидалась», понимая, что уезжать-то всё равно придется. А тревога становилась «всё сильнее и внятней» не только за маму, но и за то, что без неё «одичает оставленный луг и зарастет полевая дорога», и настанет день, когда ни «лугом не пройдешь - водяно, ни лесом - грязь засосёт».

Посмотрит она, как мама утром на кухне управляется, как чугуны на ухватах в печку задвигает, и сердце дочкино так и падает: а «что как у мамы рука содрогнется? Надо бы - рядом...».

Она хотела «когда-нибудь встать с ней наравне», но не была уверена, «сможет ли, дорастет ли...».

*Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.
Держишь её - как надо:
Дерзостью встретишь дерзость,
Вдесятеро заплатишь
Людям за доброту.
К белым твоим сединам
Бережно прикасаюсь,
Будто бы это - боли,
Собранные в жгуты;
Будто бы это беды,
Те, что отбедовала:
Густо, к одной - другая..
Разбередить - боюсь...*

Здесь уместно снова обратиться к авторитетному мнению Сергея Викулова. Он, читая стихи о матери, написал: «Удивительно чистый, нравственно цельный образ русской крестьянки встает из стихов О. Фокиной о матери. В подвижничестве матери, вдовы-солдатки и колхозницы, она видит теперь проявление характера всего народа, всех русских женщин...»

Дочка тоже не искала в городах легкой жизни.

Уже тогда, по слова того же Сергея Викулова, хорошо знавшего Ольгу Фокину, в ней «поражали почти не женское мужество, уверенность в себе, сознание высокого долга перед народом, готовность разделить с ним все испытания».

И это правда.

Она и дело себе выбрала такое, за которое до неё в округе никто и никогда не брался. К тому же она «с детства жила в борьбе» и всё ей по жизни «доставалось с бою». И сама жизнь её «начиналась с колоса в мёрзлой еще стерне».

Не потому ли она, когда пришла пора, хоть и не без робости, но смело и «не стыдясь», стала «выступать от имени серпа», а значит, и от имени своей матери и всех своих земляков. От имени тех, «кто и предан, и продан, и схоронен был тысячи раз!..».

Иначе она не могла, чувствуя себя «у деревни вечным должником» и желая сказать миру слово во славу её и в защиту.

7. О СЛОВЕ

Главным богатством Ольги Фокиной стало Слово, «волшебство» которого она почувствовала через Пушкина. Слова «стали мучить её (голоду, что ли, назло?)». Но шла она «за строкой не на Олимп Парнасский, а - на угор», потому что «лишь здесь, наяву, вдохновенье её и свобода».

Она запасалась словами впрок, чтобы ей хватило их надолго - на всю жизнь. Она искала те самые сокровенные слова, которые могли бы всегда быть под рукой и «стать на уровне с душой в священный час её волненья».

Ольга Фокина не угадала, а почувствовала свою судьбу и призналась, что она «с литинститутских пор - седьмого неба житель». Она поняла, что «поэт - не ремесленник», а слово его, если оно истинно и точно вставлено в строку, должно служить людям и «жить не меньше столетия, а может, и больше...».

Своим сердечным зрением она видит «поэзию в простом»: «вот над ивовым кустом - нитка диких уток». А разве эти строки не становятся по волшебству автора настоящей поэзией:

*Несу по огороду
На утренней заре
Серебряную воду
В серебряном ведре...*

Да, уже с юных лет она несла в себе «поэзию, существующую в самой жизни - в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта» (Н. Рубцов).

Она не могла не стать поэтессой. Поэзия была её единственной страстью и Богом данной Судьбой.

Околдованная словом, Ольга Фокина уже не могла, по словам Рубцова, представить свою жизнь «без стихов... Она пишет о самом простом и дорогом для всех - о матери, о любви, о природе, пишет о своей судьбе, а также о судьбе земляков. Всё это по-человечески понятно и привлекательно и поэтому находит отклик... Леса, болота, плесы, снега - органично и красочно вошли в лучшие стихи Ольги Фокиной. И всё это стало фактом поэзии потому, что всё это не придумано и является не мелкой подробностью, а крупным фактом её биографии, её личной жизни, судьбы...».

И сердцем, и умом она понимала, что «стихов её никто не перехватит» и что ей «по свету колесить еще долго», причем колесить «без права устать и разбиться». Одни слова она собирала «на берегах Двины, другие - на Содонге, «глинистой, обрывистой, пахучей и сыпучей». И каждое слово в народе жило и светилось наособицу. Одно «яхнотом», другое - «изумрудом». И у каждого были имена свои и фамилии.

Поэтесса «смело заимствует из разговорной речи своих героев не только сами слова, меткие выражения, пословицы и поговорки, но еще и интонацию, музыку этой речи... Слова эти полноправно живут в стихах, придавая им особую окраску, ту самую, без которой понятие «национальное своеобразие» - пустой звук» (Сергей Викулов).

Ольга Фокина, приученная с детства к нелегкому крестьянскому труду, и со словом работала «на совесть, чтоб вышел с людьми разговор» серьёзный и обязательно - о самом главном.

8. О СУДЬБЕ

Она, зная цену словам не меньше, чем цену хлебу, понимала, что тема «несжатой полосы» актуальна и сегодня и что сама она в мир «пришла из некрасовских «Троек».

Вокруг «несжатой полосы» и сегодня столько «светлых слез, счастья, и любви», что рядом с ней Муза молчать не может.

Некрасов стал для неё Богом. Нет, она «не молилась на него, - отметил в предисловии к «Избранному» Сергей Викулов, - она у него училась, училась безраздельной любви к родному народу, умению просто и в то же время душевно разговаривать с ним, помогать ему осознать в себе силу «неисчислимую», веру в лучшее будущее».

Ольга Фокина, встав на этот путь, с самого начала «верила в свою удачу и свою звезду». Уже в первом её сборнике не кто-нибудь, а сам Михаил Исаковский с её поэзией «почувствовал какое-то своеобразное родство».

Это теперь можно смело сказать, что любой читатель найдет в стихах Ольги Фокиной свой интерес. В том же упомянутом мною предисловии Сергей Викулов, анализируя творчество поэтессы, пишет: «Знаток, любитель поэзии обнаружит изощренность формы стиха при всей его кажущейся простоте, органическую связь с народно-поэтическим творчеством. Самый рядовой читатель оценит прозрачную ясность стиха и близость мыслей, чувств, настроений, выраженных в нем, его думам и настроениям...»

И, конечно же, путь её «от избы до своей звезды был - ох как! - нелегок». По словам Василия Оботурова, это был «путь от себя к людям, от лирического переживания своих, частных, настроений к переживанию судьбы героя, судьбы народа».

Это только на первый взгляд может показаться, что по жизни ей всегда везло и во всем ей сопутствовала удача.

Да, «судьба её не обманула и стороной не обошла». Да, у неё «и весна была с цветами, и лето - со страдой», у неё «должна быть и осень со снопами, и зима - с теплой трубой».

Но только она знает, как свою жизнь «выносила на горбу и на нервах». Ей тогда только и стало «далеко видно с горки, когда горе стало горкой». И чаще «не карандашом жизнь писала» её «слова и строчки», а перо каленое их «горем выжигало прямо на живом».

Только она знает, как это «ловить звуки напряженными нервами». Она, как и крестьянская изба, жила «не на отшибе, не с краю русского села». И не сразу, а с годами поняла, что «и даль, и высь, и счастье» приходит только к тем, кто в жизни «не уклоняется от всеучастия».

Ольга Фокина всегда была обращена душой к людям - «Душе нельзя - одной! // Ей к душам нужно!». Она всегда жила их радостями, болями и надеждами. Она могла, как на духу, сказать, не покрывив душою:

В дому моем - чисто.

В дому моем честно...

Поэтесса радуется, что «в её домишке и окошке - солнышко». Она приглашает всех: «Заходите - посмотрите!..» Сказала, как выдохнула - «всё просто, непритязательно и живописно» (В. Оботуров).

В душе она осталась такой же, какой была и вчера, когда входила в большую литературу.

Я не сенсационна:

Здорова. И не пью.

Проста. Традиционна.

Всё русское - люблю...

Дай ей Бог здоровья и вдохновения!

9. В ДЕРЕВНЕ АРТЕМЬЕВСКОЙ. Лето 2008-го

Было это не вчера, а в июне 2007 года, но и сегодня мне живо помнится этот красивый летний день на берегу Северной Двины, когда в минуты ветреного затишья те-

плый воздух, прогретый солнцем, ласково обволакивал меня, как парное облако, и пьянил настоем душистых трав, кисловатой хвои и речных водорослей.

...Помню переполненный зал районного Дома культуры. Помню красивый литературно-музыкальный вечер, который подарили Ольге Александровне земляки-архангелогородцы.

Помню и раннее утро в деревне Артемьевской. Меня хозяйка разместила на ночлег в новом доме, построенном на месте старой родительской избы. В доме, кроме кровати и русской печи, ничего не было. До меня в нём никто не ночевал. Так что, предоставив мне до утра такие хоромы, Ольга Александровна тем самым оказала мне как гостю и большую честь, за что я ей очень благодарен. Утром меня разбудил её младший брат - Владимир Александрович, веселый и добрый русский человек. Его крепкий дом стоит рядом с новой избой и на этом же порядке. Я быстро оделся, взял видеокамеру, и мы с ним спустились в низину, по которой, петляя, но, не меняя русла, уже который век течёт речка Содонга. Тихо течёт, не журчит, и с каждым годом всё глуше смыкаются над ней листовые кроны, и все гуще разрастается у её берегов вязкая трава и плодовая осока.

Кругом буйствовала некошенная луговая трава. Нестройным хором, но заливчато и звонко разливались по сонной еще округе бодрые птичьи трели, разбойные свисты и простуженные рулады. Еще не закончили утреннюю переключку и небезголосые пока деревенские петухи.

Над речкой, укрытой кустами ольшаника и бредины, как нарушенная паутинка, висела зыбая на легком ветерке прозрачная парная дымка, и клочки ночного тумана, зацепившись за верхушки сочного ягеля, укрывались от губительного света в тени прохладных веток побуревшей черемухи.

Владимир Александрович снял тапки и зашлепал пятками сначала по тропе, а потом уже по тесовым мосткам через речку Содонгу. Поглядел я на него, оценил озорное мальчишество, почесал затылок, но прогуляться по росе босиком, как в детстве, не решился.

За спиной у нас осталась Артемьевская с редкими дымками над крышами (лето на дворе - не зима), а впереди на фоне синего неба, чистого до звона, темнел зубчатый лес и возвышались на приземистом холме крепкие избы северных деревушек - Горка.

Солнце, поднявшись из-за леса, обогрело в этот утренний час её серые задворки с притихшими садами и духмяными сеновалами, а под окнами изб, обращенных на юг - к речке, еще кипели, рассеиваясь, влажные ночные сумерки. На росный лужок посреди деревни сорвались с крутых крыш и упали от столбов и вековых берез жирные тени.

Хозяева изб уже давно были на ногах. Владимир Александрович со всеми поздоровался. У одной избы он посидел с хозяйкой на лавке, вспоминая юные годы, а хозяин другой - угостил его водой из колодца.

Пригубил и я ледянки, побрякивая звонкой колодезной цепью. Солнце играло в ведре и просвечивало в нём воду до самого доньшка - такая она была чистая! Ох, и жгуча под землей водица - до ломоты в зубах! Я пил её, обжигаясь, и жмурился от солнца, щедро плескавшегося через край.

Повздыхали мы у серебряного ведёрка о житье-бытье и мирно разошлись по своим избам и деревням коротать наособицу новый Богом данный день.

На обратном пути, измочившись в сырой траве, я нарвал для Ольги Александровны и её домочадцев веселый букет луговых цветов...

Потом на теплом сквозном ветру мы долго сидели за праздничным столом на краю откоса под окошками одного из фокинских домов. За оврагом оглядывали нас окнами дородные избы деревни Жижино. Хозяева щедро угощали нас, гостей из Вологды, а кроме меня, в гости к поэтессе приехали Татьяна Германовна Кербут, Владимир Петрович Корюкаев, Александр Хазов, Татьяна Орлова, Евгений Васеев и Константин Пирожков.

Потом всем миром еще истопили хозяйскую баньку по-черному, и все, кто хотел, в сладость в ней на дорожку попарились.

После этой поездки на родину Ольги Фокиной, читая её стихи, я многое в них уже по-иному и вижу, и чувствую...

Нина Груздева: «Я ТАК ПИСАЛА, КАК ДУША ВЕЛЕЛА...»

Нина Васильевна Груздева.
Рисунок Семёна Ивенского

1. «ТАК ЛЮБОВЬ МНЕ СКАЗАЛА...»

Недавно композитор Надежда Берестова представила землякам новый диск с песнями на стихи Нины Груздевой «Здравствуйте, клёны». Слушал их в исполнении Елены Никитиной, Александры Колотий, Анны Малиновской и радовался за Нину Васильевну. Какие же песенные у неё стихи и как легко и красиво ложатся они на музыку талантливого человека! Жаль, что не было на вечере самой поэтессы.

Пришел домой и сразу открыл её книгу «Краешек зари». Открыл и погрузился в её светлое пространство. Прав литературный критик Виктор Бараков, написав в предисловии к книге «Часы песочные»: «Нина Груздева не могла писать по-иному, невозможно было обуздать вольный дух поэзии в его высшей гармонии...»

Она не могла не писать стихи, как будто заранее зная, что только их, как «небольшое наследство», она в будущем и оставит людям. Стихи, которые она никогда «не выдумывала»,

а строки к ним ночами бессонными не вымучивала. Строки ей «кто-то ночами диктовал», и мучительно желанные строчки «ложились сами».

Стихи свои она писала и пишет так, «как душа велит». Стихи, в которых она смогла «любовь и слёзы сплавить в слова», слыша не только свою «песню где-то в вышине», но и угадывая «мелодию» к ней.

Стихи её потому истинны и пронзительны, что приходят к ней нечаянно, «приходят, как любовь, что кажется всегда последней». Она чувствует, как через строки, надиктованные свыше, струятся вниз на Землю солнечные токи, а земные поднимаются в небо. «Токи», которые и читателя «растревожат, обожгут и уведут от всех болезней».

Её величеству Поэзии только и хотела Нина Груздева на «чистую страницу» «поведать всю горечь дней своих и муку».

У неё в литинституте складывалось всё так счастливо и удачно, что никто бы и подумать не мог, что она, имея «в кармане и прописку, и работу на выбор», когда её «стихи хорошо печатались в журналах, а журналы заказывали переводы стихов», когда на её стихи звучали песни, написанные популярными композиторами, вдруг оставит Москву, уедет на родину и на долгие годы замолчит.

Это она-то, Нина Груздева, которая «талантливостью и внешностью украшала курс» Виктора Бокова. Это она-то, Нина Груздева, которую Фёдор Сухов называл «вологодской иволгой с голосом, данным самой природой». Это она-то, Нина Груздева, которую Илья Сельвинский поставил в ряд лучших поэтесс России («ЛГ», № 17 от 26 апреля 1967 года). Это она-то, Нина Груздева, которой посвящали стихи Алексей Решетов и Николай Кутов и которой писали письма Олег Шестинский, Иван Акулов, Василий Белов и Константин Коничев.

А значит, и у неё в жизни не всё было так безоблачно и гладко, как могло показать-

ся на первый взгляд. Настроение конца шестидесятых она хорошо передала в письме, адресованном Сергею Орлову, но так и не отправленном. Вот строки из него:

«Здравствуйте, Сергей Сергеевич!

Вот уже год, как Вы просили прислать Вам мои стихи, а у меня до сих пор нет ничего настоящего, достойного внимания.

Со вчерашнего дня я твёрдо решила ничего не писать больше, хотя такое решение принимаю далеко не впервые. Надеюсь, что на этот раз выдержу.

А зачем писать, для кого?

Газеты не печатают, говорят, уж слишком не газетные мои стихи, а до центральных журналов мне дальше, чем до Луны.

Хочется спросить: а у Сильвы Капутикян, Василия Фёдорова, Степана Щипачёва разве мало напечатано в газетах так называемых «не газетных» стихов? Но сознание подсказывает: уж слишком большие имена ты тревожишь! Читаю журналы и вижу очень часто, что имя - главное, что если «имя» напишет и дрянь - её всё равно печатают, а люди читают и возмущаются или считают себя непреходимыми дураками, которым недоступна высокая поэзия.

Но всё же лучше писать хорошие стихи, чем иметь громкое «имя». Их всё равно будут знать люди, пусть и не многие. Мне же не нужно больше ни стихов, ни, тем более, «имени». Упаси Бог!..»

Да, многие тогда о стихах её «говорили хорошо». Василий Фёдоров называл их «высокой поэзией», с ней встречался Сергей Наровчатов и потом напечатал стихи во всеюном «Дне поэзии» за 1970 год.

В письме к Василию Белову она пишет, что «список хороших слов» можно продолжать и продолжать, но все они, в том числе и слова самого Белова, «останутся звуком, если не станут печатным словом».

Позже, в середине девяностых, когда она вернётся в поэзию и ей потребуется предисловие к новой книге, Нина Груздева обратится за ним и к Василию Ивановичу Белову. В письме к нему, обиженная его «обоснованным» отказом и уже наученная горьким опытом, она в сердцах напишет, что мы порой «слишком долго выясняем - стоит или нет подавать руку помощи, а когда выясним, то оказывается вдруг: помощь уже не нужна - человек утонул. И не важно, где он утонул: в вине, или в суе, или просто обессилел от бесплодных попыток в одиночестве пробить стену равнодушия».

Она ещё в те счастливые для неё годы поняла, что «пробиться в этом сложном мире без помощи никому еще не удавалось». Она объясняла земляку, что его «слово положительное - жизнь, отрицательное - приговор».

Рекомендацию в Союз писателей ей дал Александр Романов. Он отмечал, что «вся её поэзия - это страстное одоление одиночества и поиски радостей жизни в творчестве». Рекомендовал её в Союз и Николай Старшинов. Он тоже не поскупился на «печатные» слова и, в частности, подчеркнул, что «лучшие её стихи, посвященные любви, родной земле, её природе, - лаконичны, по-настоящему прочувствованны, в них есть та хорошая простота, которую я высоко ценю».

Нет, у Нины Груздевой иной судьбы быть не могло, и весь драматизм её - судьбы поэта - был предопределен свыше. Я, признаться, и не знал, что она, ярко заявив о себе еще в юности, потом вдруг на долгие годы замолчала, чтобы однажды уже на краешке жизненной зари пропеть свою лебединую песню. А не пропеть её она опять же не могла, потому что на то была не её воля...

Тема любви стала для неё стержневой. «Стихи, написанные ею на эту тему, являются собой как бы повесть-исповедь о любви - об одной-единственной, ушедшей, но не проходящей...» (Борис Шишаев).

Любовь - это её Судьба и состояние души.

Наверно, не было бы и пронзительных её стихов, если бы любовь, «оставшаяся в про-

шлом», время от времени «не отзывалась впереди». Если бы в памяти не осталось его светлое имя, которое она в минуты радости и горя «шепчет, как заклинанье», потому что

*Оно сильней, значимей, выше
Всех наших встреч и нас с тобой.*

Вот такая она - неукротимая любовь необыкновенной женщины! От неё не отмахнешься и не спрячешься.

*Я водой заливала,
Засыпала песком,
А она расцветала
Самым ярким цветком!*

*Я ногами топтала,
Я косила косой,
А она выступала
Чистой-чистой росой!*

*Я косила - шептала:
«Не моя! Не моя!»
А она мне сказала:
«Нет, бессмертная я!..»*

*Не нужны мне хоромы,
Не нужны терема.
А меня похоронишь -
Станешь мёртвой сама!*

*Не топи меня в речке,
Не старайся зарыть,
А заночует сердечко -
Не старайся забыть!» -*

*Так любовь мне сказала...
...Занимался восток.
Я золой засыпала
Самый яркий цветок...*

Непростая судьба выпала на долю Нины Груздевой. Непростая потому, что это судьба поэта. У поэтической судьбы свое измерение времени и любви. У неё свой крест и своя нетореная дорога.

Если спросить у Нины Груздевой, счастлива ли она, то, она, наверно, не задумываясь, ответит: «Да, я счастлива!..» Счастлива, потому что

*Пусто человеку в этом свете,
Если сердце глухо для любви...*

Нину Груздеву любовь поддерживает и сегодня, освящая каждый новый день, отпущенный ей Богом...

Она никогда не теряет присутствие духа и надежду. Не теряет даже тогда, «когда жить совсем не хочется», не теряет потому, что «у неё есть Творчество» и оно её всегда спасает...

2. «ОСТАНОВИСЬ, ПОСЛУШАЙ ВРЕМЯ!..»

Неудивительно, что читателям стихи Нины Груздевой близки и понятны. И не только женщинам. Уж слишком они по жизни похожи - судьбы женские. Уж слишком они одна с другой созвучны.

И не сразу, но поняла она, поскитавшись по белу свету, что «счастье-то - в простом людском участье».

Её уже давно «тревожит память тех далёких дней», тревожит и «болит», потому что память, подводя итоги прожитых лет, и ей «предъявляет свои иски». Она искала тишины, но с годами поняла, что и «в тишине нет покоя», потому что тишина не что иное, как она сама, оставшаяся наедине с собою и своей жизнью, в которой и у неё часто «мело и студило», гремело и сверкало.

Жизнь её, как мы видим, не баловала. Уходили друзья в мир иной, и с каждым из них уходила «в Тайну и частица её жизни». Вроде и довольствовалась она малым: «хотела создать рай в шалаше» и «мечтала построить дом на песке сыпучем», чтобы «зажить в нём». Но на поверку вышло так, что по жизни оказалось «это малое - так непросто».

Но для поэтессы с каждым новым жизненным кругом «всё становится вдруг понятно». Понятно, почему «стояла ранняя весна, а будет поздняя». Понятно, почему с годами всё чаще хочется «занять у юности - светлой мечты», а «у неба - высоты».

Понятно, почему в жизни, «на трудном её рубеже», «душа стучится к душе» и почему, «натрудившись, душа хочет к близкой душе прислониться», да вот беда - времена изменились, и «где же сейчас ты ей душу такую найдешь?».

Понятно, наконец, почему «назад от нас бежит дорога и расцветают вёснами года» и почему наступает «пора задуматься» о времени и о себе.

*И от ощущения,
Что всё преходяще,
Становится грустно,
Становится больно...*

Это о времени, в котором «год проходит, как день», чтобы уже никогда не повториться. «Да, всё проходит. Раз и навсегда». А мы живем и «порой не замечаем, что дни бегут. А дни бегут».

Потому так и хочется, чтобы это «чудо длилось подольше». Хочется, ведь так много прожито дней «напропалую, без оглядки». Даже не верится, было ли оно - то время, «когда и беда - не беда и тяжелое время - не время»?

Поэтесса живет с ощущением, что у неё «позади целых тысяча лет», и потому она наверняка знает, «кто друг, а кто предатель». Она современна, потому что остро чувствует не только своё время, но умеет ёмко сопрягать в стихах и уже отзвеневшие эпохи.

*Остановись, послушай Время.
И ощути его течение.
Такими тихими часами
Я думаю: что будет с нами?..*

Она «любит свое прошедшее»: «В нем есть всегда величественный трон, и слава, и забвение, и плаха...».

У неё и сегодня перед глазами, как на экране, «мелькают лица, села, города, события и встречи».

И каким бы оно ни было, выпавшее на её долю время, человеку всегда «много хочется рассказать и о себе» в нём. А рассказать есть о чем. Хочется вспомнить о том времени, когда «была молода», и оказаться в пленительной власти «родных видений». Подумать о матери, которая не уставала звать в деревню, «в свои края», туда, где осталась и её «простота, с которой она родилась».

Её родина - деревня Денисовская, что в пяти километрах от маленькой железнодорожной станции Пундуга в Харовском районе. Это через неё открыла она и родину большую, в любви к которой призналась так:

*Родина моя - в моей крови,
Родина моя - моё начало...*

Будучи в Харовске, я с радостью увидел в районной библиотеке стенд и альбом, посвящённые творчеству Нины Груздевой. Земляки знают поэтессу, изучают её творчество и гордятся ею.

Я понимаю, почему в её стихи так часто врывается Весна. Врывается она потому, что поэтессе хочется у родной калитки встретить новую весну и, набравши воздуха, с радостью выдохнуть: «Здравствуйте, клёны!»

Ей хочется вернуться в «милые края» детства и услышать, как в заулках под окнами изб о наковальни бьют косы, когда «просыпается скот и хлопают ворота».

Ей хочется вернуться в юность и крикнуть на всю улицу: «Здравствуй, Рита! Здравствуй, юность! Здравствуй, Пундуга моя!» Она мечтает, отработав по хозяйству «до самого последнего луча», «вновь до зорьки не заснуть» и увидеть на утреннем небе «краешек зари», когда

*И ночь пустилась без оглядки...
А следом, разгоняя тень,
Родился и привстал на пятки
С пелёнок красный новый день...*

Ей хочется здесь, у родного порога, «забыть всё мелкое, чуждое, злое» и «почувствовать в каждой почке рождение жизни», а себя - «не царём, а частью природы». Почувствовать себя всего лишь маленькой и хрупкой «частицей бытия», «листочком после летнего дождя», когда «вокруг столько синевы», которой можно взахлёб «дышать, как вечностью». Ведь в природе тоже все «изменчиво, как в жизни нашей».

Да, как и в жизни нашей, в природе всё изменчиво и преходяще. Придет время, и она, Нина Груздева, однажды станет «остывшей планетой». Её с младенческих лет «маняют небесные чертоги», потому что рожала её мать на печке звездной ночью, и новая звезда, родившаяся в честь неё во Вселенной, обожгла душу и тело своим синим огнем.

Такое время придёт к каждому из нас. Рано или поздно. И за всё жизнь благодаря, и всё в ней принимая, одного, может, как и Нине Груздевой, будет нам жаль, оставляя грешную землю, жаль, что

*После нас не останется писем,
А душевные связи тонки,
И уносятся в звездные выси
Телефонные наши звонки.*

*Может, где-то в межзвёздной Вселенной
На звезде или в райском тепле
Вдруг наступит звонок, тот, последний,
Не заставший меня на Земле...*

В её личном архиве много писем от современников. Есть в нём и портрет Нины Груздевой кисти искусствоведа и художника Семёна Ивенского, в прошлом директора областной картинной галереи. На его обороте он написал еще и стихотворное посвящение, которое, на мой взгляд, очень точно передает отношение к ней людей, кто её по-настоящему знал и любил:

*Пускай не очень он похож,
Простой портрет - не плод терпенья.
Но ты в его чертах найдёшь
Ума и сердца отраженье.*

*И пусть стихи не хороши
И очень мало в них искусства,
Зато искусство - от души
И непридуманного чувства.*

*Пуškai завидует природа
Уменью легкому руки.
Мой скромный дар - не пустяки
И не стареет год от года.*

*С чем можно подыскать сравненье,
Раз ты здесь спасена от тленья...*

Прежде чем поставить точку в своих заметках о творчестве поэтессы, я набираю номер её телефона и радуюсь, услышав на другом конце провода её веселый голос, обрadowанный неожиданным звонком...

«Я, КАК ВСЕ, - НА БЕРЁЗЕ ЛИСТОК...» Об Анатолии Мартюкове

Анатолий Мартюков - воспитанник детского дома в селе Никола Тотемского района. Живет в Великом Устюге. В 1995 году он так подписал мне свою книгу «Цветы и музыка»: «Знакомому незнакомцу. Слышу, знаю, ценю...».

Скажу сразу, мне его стихи понравились. Позже, читая книгу «Воспоминания о Рубцове», я узнал, что Анатолий Сергеевич был еще и другом Николая Рубцова и только он, как никто другой, знал поэта в самом раннем детстве. Вот как сам он вспоминает в книге то незабываемое для него время.

«Вдруг голоса, откуда ни возьмись! Топот за окнами и хлопанье двери.

- Зажигай свет, баба Сима, - раздался голос воспитательницы. - Встречай гостей...

- Ребятки-то уснули, Антонина Михайловна. Тише...

Нет, ребята уже задирают головы и с любопытством рассматривают пришедших. Антонина Михайловна Алексеевская, воспитатель младшей группы, с мокрыми волосами и с крапинками дождя на плечах, проталкивает присмиривших гостей.

- Ребята, это ваши новые друзья. Они протопали от пристани пешком. Двадцать пять километров. Прямо с парома, без передышки. Время-то осеннее, позднее. Торопились...

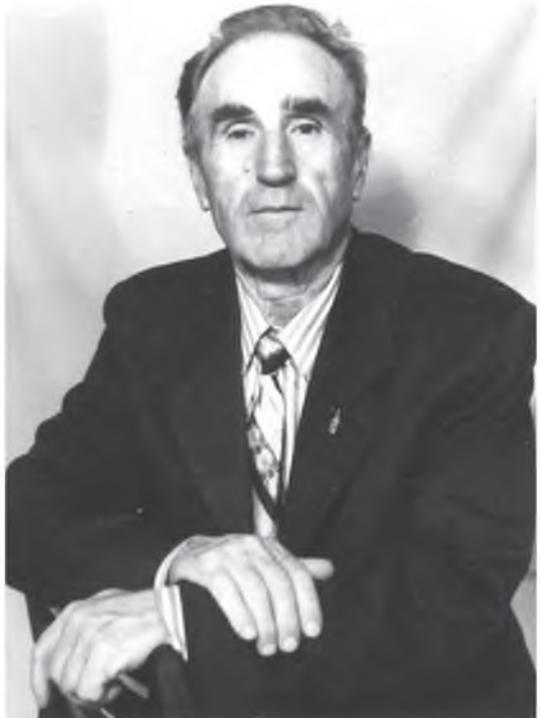
Но лишних кроватей в спальне не было.

- Сообразили: как раз всем - по двое...

Алексеевская держала в руках список. Вычитывала фамилии. Вперед, как на сцену, выходили мальчишки. Семивосьмилетние.

- Валя Колобков.

Вышел Колобков. Коренастый. Голубоглазый. И тихий. Таким он и оставался всегда.

Анатолий Сергеевич Мартюков

Вот мальчик уже разделся и залез под теплое одеяло своего «брата».

- Вася Томиловский!

Устроили и Васю Томиловского.

- Коля Рубцов. Ложись на эту кровать. Мартюков, пододвинься.

Без единого слова, но со светом в глазах шел черноглазый мальчишка. С узким лицом, хрупкий, как невидимка, он не привлёк особого внимания. Скорее, обыкновенное любопытство вызвал.

- А тебя зовут Толей, - тихо утвердил он.

- Да... А как ты узнал?

- На дощечке написано, - уже смело заводила разговор вторая голова «валета».

Так мы стали спать - головы в разные стороны. Сколько это продолжалось, не помню. Кажется, больше года. А может, еще больше...

...И снова тот вечер припоминается, где берет за руку и разводит по местам уставших, вымокших под дождём мальчишек баба Сима, ошеломленная и со слезами на глазах.

- Что же их на лошади-то не встретили? - нараспев говорила няня. - И никого раньше не предупредили? Может, баню истопили бы, белье чистое выдали...

- Белье у них чистое. В бане они были. Сама не знала. По срочной телеграмме их встречали. Где-то детдом разбомбили...»

Без этих фактов детдомовской биографии Анатолия Мартюкова невозможно понять и его поэзию. Диву даюсь, узнав, какие же талантливые мальчишки (а талант был у обоих детдомовцев одной природной силой) спали под одним сиротским одеялом. Не менее удивляюсь и тому, что оба они, рано почувствовав Божий дар, смогли им в непростой жизни с пользой для себя и для людей распорядиться.

Анатолий Мартюков, наверно, не смог избежать влияния поэта, ставшего вдруг знаменитым и недосягаемым, но тем не менее он сохранил и свой голос. Более того, он, на мой взгляд, смог сказать и своё неповторимое слово в русской поэзии второй половины двадцатого века.

Теперь я понимаю, почему в его стихах так много света - света жизни, света любви и света памяти.

Ему и сегодня, «сорок с лишним лет спустя, по-прежнему мерещится вкус американского супа - из зелёного горошка».

«Почему же, - спрашивал он самого себя, - ни один цветок, ни одна зеленая травинка не ускользала от взгляда детдомовского ребёнка?»

Спрашивал и сам же отвечал: «Да потому, что все мы были детьми земли...»

Он и ныне помнит, как «со своей сестрой Граней они появились в сельском Совете - слабые и исхудалые». Ему никогда не забыть и первый день пребывания в детском доме. В памяти он остался таким: «Из бани я вышел, как из чистилища, остриженным, в чистой рубашке с «чужого» плеча, в штанишках - больших по размеру...»

Он и сегодня вспоминает, «как они с Колей Рубцовым раскладывали по одеялу разноцветные осенние листья, клали их на сон грядущий под голову, «чтобы сны красивые снились».

Не с тех ли самых пор и снятся им, детдомовцам, и «сны цветные», и «зеленые цветы».

Сам Анатолий Мартюков уверен, что «настоящий вкус хлеба или картофеля, шоколада или свежего зелёного помидора знают только те люди, которые выжили и без хлеба, и без сахара».

Сам он из этого - редкого уже людского племени. Хотя, нет, теперь в начале нового тысячелетия уже, к сожалению, не редкого. Наоборот. Сегодня детдомовцев и сирот при живых родителях больше, чем их было даже в войну. Об этом страшно даже говорить.

А для Анатолия Мартюкова это самая болевая тема. Для него давно уже пришло время «не спешить, а разобраться и о самом себе поразмышлять».

И вот он, сам того не ведая, пишет и пишет о свете, пишет и пишет, помня, каким он был, «Никольский детский дом 194... года». А в памяти его он остался таким: «Мрач-

ная погода, недостаток света в помещении, где в ожидании сидят дети. В час, когда по деревьям проскачут и загорятся огоньки окон. Тоска и горечь, поделенные между всеми людьми на свете».

Я читаю его стихи, а в них хлещет свет, как синь сквозь облака. А в них свет еще и сквозит, как ветер, сорвавшийся с цепи. И это не просто свет - это «мы, как берёзы, проросшие светом».

*Синяя вода
Бежит с пригорка.
В синей вышине
Стволы берёз.
Я пою,
Исполненный восторга, -
Вот бы так
Всегда легко жилось!
Новый день,
Как мир в своем начале,
Как глаза
Доверчивых детей,
И опять
Над озером качает
Ветер
Белокрылых лебедей...*

Прорастаем светом мы потому, что им, «красным светом мака, прорастает в час рассветный солнце».

У Анатолия Мартюкова «свет» - это, во-первых, категория жизни.

Судьбу его «не пророки пророчили», он о ней, по его собственному признанию, «привык заботиться сам». Он вышел из стен детского дома с «доверием к миру, к Родине и к самому себе». Для понимания его творчества это важно, важно хотя бы потому, что в детстве не мама «колыбель его качала, а жизнь», а жизнь сиротская и «голову его гладила, не как мама».

*А как же без матери он?
- Без матери - не без России, -
ответил родной небосклон...*

*О Родине и больше ни о ком
Я говорю: «Она - родная мама!..»*

Это его искреннее признание в любви к России. Его так воспитали в детском доме, что он, переживший войну и с детства познавший на земле лихо, рано понял, что победившая фашизм Россия - «такая страна, которая никогда не вывесит белые флаги».

Может, потому так легко и спалось ему в детдоме, что царил в нём «русский дух и пахло русским хлебом». А это «всё было ему по вкусу». Потому и «любовь свою, что звезды светлее», он делил ни с кем-нибудь, а «со своим Отечеством».

*На мне счастливая рубашка -
Меня Россия родила...*

Ему было по жизни чуть легче и оттого, что он, как поэт, чувствовал себя «на древе России многовековой серебристым листом». И, вспоминая своих родителей, он никогда не забывал их светлое благословение:

*Я помню их последние слова -
Они одно произносили оба:
- Люби людей, а Родину - особо,
Отца и мать -
А Родину сперва...*

Это родительское благословение бережёт его по жизни и ныне, оберегает оно его и в новом тысячелетии. Он с радостью ищет рифму, которая ему, судя по стихам, даётся легко. Он пишет вдохновенно и отвечает за каждое написанное им слово. И за это тоже:

*Россия-мать,
Родимые места -
Моя неумирающая сила...*

У Анатолия Мартюкова «свет» - это, во-вторых, категория творчества. Он, будучи светлым человеком и живя в древнерусском городке Великий Устюг, видит всё вокруг себя в самом добром «свете», но не в розовом - оговорюсь сразу.

*Древний город - белый парус
Рассекает синеву...
Здесь Россия зарождалась,
Здесь Россия - наяву...*

Так мог написать только он - поэт Анатолий Мартюков, у которого на крутом берегу Сухоны всегда бывает на душе «светло и свято». В сборнике «Цветы и звуки» я верю каждой строчке его стихотворений - от первой строчки до строчки последней.

Сколько же света в его душе!

И как не быть ему в его душе, если поэт «так любит этот мир» и всегда боится «омрачить его печалью». Он знает целебную и спасительную силу света:

*Я не задерну тонких занавесок -
Мицует кто-то тёмный переулок -
Увидит свет: «Спасибо, огонёк...»*

Кажется, и сам он тоже соткан из света.

Свет у него врывается в дом, который «в серебре под луной стоит с позолоченной крышей», когда поэт с утра «растворяет раму и небом просветляет глаза». Свет сквозит в каждом стихотворении. Каждая его строка освящена «божественным светом», которому мы радуемся вместе с поэтом.

Свет проявляется во всем.

Он «в золотых капельках смолы», «в белом оперенье метели и в её белоснежном клюве». Он и «в белых снах берёз», и в саду, «светлом и нарядном», и в «малиновых далях».

После ночного дождя поэт видит из распахнутого настежь окна, как на крыше соседнего дома «шифер сушит на солнышке свою золотую гармонию». А ведь действительно шифер похож на гармошку, от души развернутую на всю молодецкую грудь.

Вот он, поэт, стоит у колодца и «любуется на самый чистый свет воды», которая светится в колодце, как «живое серебро». Он слышит, как вокруг него «звенят за здоровье сосен и берёз серебряные чаши». И сам он в это время, «как светлый день, полон свежих сил», а «просветлённый полдень уже выводит его жизнь на зелёную дорогу».

Свет питает поэта силой и даёт ему вдохновение и «в самый божественный день, когда расцветает сирень-подоконница», и когда «день идет и сеет, сеет свет». У него и рассвет «голубоглаз и златоволос». У него и «месяц с бережка бросает серебристую блесну». У него и «Земля, улыбаясь солнцу молодому, надевает белую фату». У него и «экскаватор щедро разливает свет землечерпательным ковшом».

В книгах Анатолия Мартюкова так много животворящего света, которому поэт радуется и каждый день удивляется:

*День глядит из розовых пелёнок
С погремущкой солнечной в руке...
Он проснулся -
Маленький ребёнок,
С мыслями о тёплом молоке.
Мать-природа
С ласковостью взора,
Новый день*

*Безоблачным растя,
На земле молочные озера
Согревала:
«Пей, моё дитя...»*

Вот такой он и есть - поэт Анатолий Мартюков, который меня знает понаслышке, как, впрочем, и я его тоже, но удивительно, что он верит в меня, как «верит в людей, которые горят и светят».

Я тоже верю в таких людей, которые исповедуют по жизни простую и понятную всем философию:

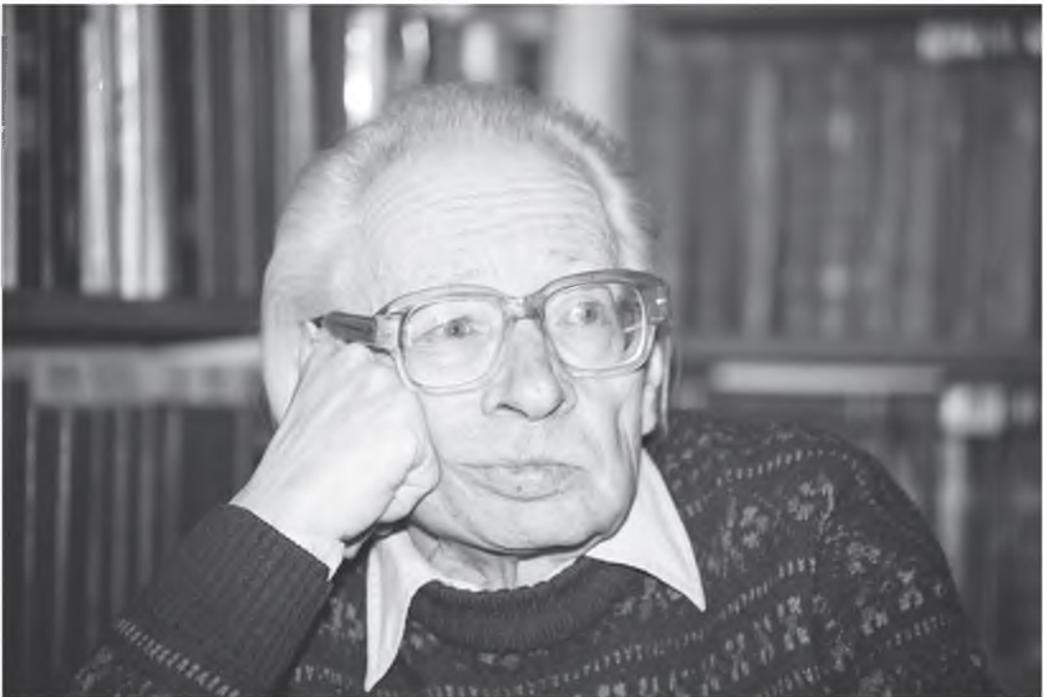
*Я, как все, - на берёзе листок,
Чтобы дерево жило и пело,
Чтобы дерево было высоким...*

Я закрываю его книгу с лёгким сердцем, зная, что Анатолий Мартюков «живет, как жил, - всегда при деле». И самое главное - он «любит людей». Потому и сам он всегда ими «любим»...

Борис Чулков: «С ДУШОЮ ЖАЖДАЛ ГОВОРИТЬ...»

В августе 1982 года я переехал из Череповца в Вологду и вступил в должность редактора газеты «Вологодский комсомолец», а в сентябре в редакторском кабинете мы отмечали 50-летие Бориса Чулкова.

Но познакомился я с ним раньше, еще на областных семинарах молодых литераторов. На одном из них Борис Александрович рецензировал мою рукопись. Я сохра-

Борис Александрович Чулков. Фото Марины и Андрея Кошелевых

нил её в своем архиве с пометками мастера. Замечания его были точные. Они помогли мне в дальнейшей работе над стихами.

А вчера я вернулся с его очередного юбилея - 75-летия. Позади двадцать пять лет жизни и активной творческой работы. Читаю его итоговую книгу под названием «Пристально просматривая время...» (избранные стихотворения, поэмы, переводы) и радуюсь за своего старшего товарища.

Как много им сделано и как хорошо! Он для меня среди коллег-писателей всегда стоял особняком: тихий, скромный человек, постоянно погруженный в свой хрупкий не защищенный от людей и от космоса мир.

Смогу ли я войти в этот мир? Не знаю. Я с интересом читаю его стихи, пытаюсь понять и почувствовать через них автора, соприкоснуться с его жизнью и поэтической судьбой.

1. «Я - СЫН РОДИМОЙ СТОРОНЫ...»

В этом искреннем признании - его сыновья любовь к земле и людям, живущим на ней. Он из того горюевого и светлого поколения, в котором «многие не доросли до фронта, до раны, до смерти». Он «получил в наследство жизнь, совпавшую с войной».

Забор истопленный - война,

И дом нетопленный - война,

Война - и чахлый свет мигалки...

О «начале этой трагедии, налетевшей внезапно, как шквал», он узнал не из газет. Он её «видел своими глазами». Перед глазами его и сегодня стоит сквер, в котором «лежал на брюхе сбитый самолёт», выставленный на всеобщее обозрение. Войной и в тылу «все были обожжены».

Война - это и горькие невосполнимые утраты. «Отец умер», и он, его сын, рано «выпал из гнезда деревянного хрупкого детства».

Нам не на чём было расти,

нам не с чего было полнеть...

Он «в восемь лет колот уже дрова», «таскал воду и копал гряды». Ему и сегодня «снится и снится старый дом». Кажется, что он, как в детстве, «идет по скрипучей половице» и слышит, как его «к обеду зовет мать». Для него стал «священен запах ржаного хлеба». В его памяти остался навсегда «день на морозе крутом в голодном, холодном сорок втором», когда умер его брат.

Но каким бы тяжелым ни было время, «всматриваясь в воспоминанье до глубин», память расцветивает перед ним такие «краски детства», каких он уже никогда в жизни не видел. До сих пор обжигает его и «краска стыда» за то, что они, мальчишки, «в детстве считали забавой охоту на бедных лягух». Мало кто из нас этим «забавам» не предавался, но редко кто, повзрослев, испытывал за это чувство стыда, тем более, с горечью и публично признавался в этом.

Всю жизнь память «влекла его сквозь время и сквозь годы, сквозь передраги и сквозь ошибки».

Ему, может быть, в жизни было даже труднее других, потому что у души Бори Чулкова было одно уязвимое «качество» - «не различал лицемерья и не улавливал лжи». Слишком был наивен и доверчив. Его душа была, как дверь, раскрытая «навстречу ветру, свету и прохожим». Ему было трудно и потому, что уже в раннем детстве «с ним - от былинки до тучи и звезд - разговаривал мир».

Он остался жив благодаря помощи и заботе добрых людей, в том числе и деревенских. В их домах он чувствовал, как рядом с ними «светало в его ненастной судьбе и тепло в застуженном сердце». Будучи и сам по природе своей добрым и отзывчивым человеком, он о каждом из тех, с кем пересекалась его судьба, хотел «почти о каждом сказать что-то светлое». Он, «русский до мозга костей», пережив с «народом, выдав-

шим виды», военное лихолетье, был и хотел остаться «с целым миром вместе и со своей страной не врозь».

Уже после войны в «благодарность этим людям» он из города «нес в авоське на село пиленный сахар, чай, батоны».

Не тогда ли он и сам уже интуитивно почувствовал «путь, что предначертан был ему от века», и вытащил «жребий, что написан был на его роду»? Не тогда ли (с его-то тонким мироощущением) он задумался и о том, что «раз уж повстречался он на этой земле» с людьми разных судеб, то, может, (не Богом ли самим?) «для чего-то (?) кем-то (?) он на этой земле и оставлен»?

Тогда же он понял, какое это для него благо, «что корни и ростки у него в России и что русским духом он навек отмечен - с рожденья до гробовой доски».

2. «ВЕЧНЫЙ ГИМН ЖИЗНИ...»

Может, потому, что детство было холодным и голодным, Борис Чулков так обострённо воспринимает жизнь - богатую и сытную, яркую и обильную. Можно понять «восторг поэта перед её вешним, материальным богатством, ощущение торжества жизни, её полноты» и оправдать его «интерес к миру вещей» (В. Оботуров).

Как же ему бывает хорошо и радостно, если на его глазах «каждый час, каждый миг зреет для жизни жизнь!»! Читаешь его стихи и будто видишь, как на грядке «лук топорщится перьями», как ароматен на столе «ржаной, здоровый, плотный, сочный хлеб», как сползает по стенке кружки «пива буро-пенная прозрачность», как на сковородке «братается огонь с трескучим маслом».

Его здоровое и светлое ощущение жизни передается и читателю. Среди них, наверное, нет таких, кто не был бы рад «и осознать, и видеть всё это». Какие они бывают удивительные - дни, когда «заречье затоплено буйнокипящею листвою». Как переполняется чувствами сердце, когда «лето правит свое торжество» и катит «волны запахов и ароматов, лучей валы, рассветов и закатов»!

Диву даешься, «какая вымахала зелень! Какой махровою листвою обзавелись деревья!». В белые ночи поэт готов «отдать душу птичьему щелку и свисту, чтобы она стала искристой и чистой, точно речка». Для него «сушее чудо то, что пичуги поют - празднично, пламенно, нелицемерно».

Как кружится голова, когда в лугах травы и цветы «лиловеют, желтеют, зеленеют, краснеют, играют, спелят и цветут!»! И какой букет для любимой собирает в эту пору поэт! Букет «пахучий!»! Вокруг него клубится «пьянящий туман». Он таит в себе «чудо-прохладу, дурман и утеху, отраду и усладу».

Разве забудешь, как на сенокосе «липла жаркая работа к рукам, мозолистым и потным». Как живой, стоит перед глазами рухнувший на землю ливень. Он в восприятии Бориса Чулкова и «не ливень» даже, а «Поэт, каких немного было во Вселенной». Ливень - «целительный и живой, живительный и живящий, животворный и стремительный, пьянящий и шальной, хмельной, непритворный и задорный!».

Во какой!

Одно время года сменяется другим, но жизнь ни на минуту не затихает.

Приходит срок, и небо становится «вязким, непроезжим, топким», и уже не ливень, а дождь зависает над землёй. Дождь - «проливной, тяжёлый, мощный, сильный, плотный». Дождь, который «струится, падает, изливается, льётся». Вот-вот и «набежит, налетит и нахлынет листопад, листосброс, листолёт». Зайдешь в лес и поймешь, что год выдался грибной: вокруг «боровики, и грузди, и волнушки, и рыжики, и вновь боровики».

Придет ноябрь, и ты увидишь, как быстро и «со страшной силой всё отцвело, отгомонило, перебродило, отошло». И «замер бор - космат, кромешен, нем...».

Такое ощущение жизни Борис Чулков сохранил до сих пор. Он понимает и то, «что жизнь-то создана не для покоя» и что «без жертв она тоже невысказана». В жизни «по-

рядок такой», что «перед кем-то бытие является и без радуг». Поэту жаль, что в жизни всё «так поздно приходит к человеку».

Выйдешь из дому на улицу, глянешь по сторонам, и вот он, как на ладони, жизненный круг человека - в песочнице ли детской, на автобусной ли остановке, на лавочке ли у подъезда:

*Вот сидит мальчишка с портфелем -
собак ему б только гонять.
Вот парень сидит кучерявый -
Лишь бы ему бегать за девками.
Вот средних лет человек сидит -
Бегаёт за молодой любовницей.
Вот плетется мимо старый старик -
Смерть сама его нагоняет...*

Потому и поэт с годами всё более и более ценит каждый день и каждое мгновение, данные Богом, дорожит ими, потому что «жизнь - скоротечна». И за время, отпущенное ему на земле, он вряд ли «сможет расплатиться за жизнь». Тем более, что и «жизнь дана ему в рассрочку». Жизнь, которая «не хочет забвенья и тленья». Жизнь «со счастьем и страданьем» и есть-то, быть может, только «на одной из всех планет» - на Земле, которая «парит, как пылинка, в Мирозданье». И потому ему в «прекрасном Мирозданье любая жизнь любя».

Ей, Жизни, он слагает в стихах достойный её гимн. Он вдохновенно пишет:

*О жизни: дереве, растущем
на почве радостей и зол,
чей корень - в прошлом,
плод - в грядущем,
а в настоящем - мощный ствол...*

3. «Я - ДЕРЕВО...»

К нему с детских лет «взывали озерные воды, чтобы он растворился и стал бы частью великой природы».

В стихотворении, посвященном Николаю Клюеву, Борис Чулков пишет, что «перед ним душа природы открытой книгой была». Думаю, что и перед ним самим тоже книга была и остаётся «открытой». В этой книге «снега в полях России, как чистый лист размером с Мирозданье». Поэту есть что на этом листе записать, потому что с ним постоянно «глаголет листва взволнованною речью». Он учится «понимать её речь без словаря» - «о мысль моя, не засыпай! Учись у матушки-природы». Ему понятно, «о чем шепчутся море с сушей, о чем звезда сигналист звезде и кого окликает гром».

Он, воспевая торжествующую жизнь, то и дело застывает околдованным «перед каждым ликующим дивом» - будь то «зелёное пламя садов» или «город, затопленный весною и пьяный жизнью от солнечных лучей».

Поэт «чует что-то глубинное», а именно то, что «он в чем-то родня» с деревьями. Потому-то так часто обращается в своих стихах к «древесному народу».

*Деревья! Что сравнится с деревьями?
Что было б с этим миром, если б их
Не вырастила Жизнь и рядом с нами
Их не было в цепи существ земных?..*

Он действительно чувствует себя «в лесах, среди древесного народа», спокойнее и увереннее, чем среди людей. «У этого народа он берёт уроки» добра и считает «деревя родной земли закадычными друзьями»: «рябинам он приходится земляком, а тополя у него в приятелях». Он готов «служить молебны соснам», а «ели восславлять в стихах».

Он, «как брат дерев и трав, став их частицей», желает им тоже «по-братски добра!». Его «друзья - звери и птахи». В их кругу он тоже «свой».

«Я - дерево, - говорит он, - и надо быть деревом: гнутья, скрипеть - но отнюдь не стонать...».

Я верю ему, когда он говорит, что «как будто сам клёном стал». Я верю ему и тогда, когда, увидев «спиленное дерево», он искренне «оплакивает его». Он переживает и за «деревья с непокрытой головою», когда они «ожидают первых стуж».

Он, видя, что происходит на земле, взывает к землянам «лелеять то, что Бог нам подарил, как дерево единственного сада», и с осуждением и горечью оговаривает сородичей:

Но уж не заносился бы: я - Царь!

Не гоношился бы: всяя Природы!..

Внимая голосу природы, которая «свершает свои таинства» и живет по «вечным законам», которые «правят жизнью её», поэт с ужасом констатирует, что люди безжалостно «кладут природу под пресс прогресса». И действительно, «железная поступь прогресса оттесняет вдаль и в тень» уже и самые глухие деревни, где еще стоят под окнами старых изб «величественные и статные деревья» - свидетели людских радостей и печалей, побед и поражений.

«Смерть радиацией легла... И яд, и газ - кругом», а в домах и квартирах «вой, визг, лязг, удар... музыка для роботов - для существ ядерно-каменного века». «Мутная» музыка в каждом окне, как мусор и грязь». «Высоковольтные грозы» нависли над «высоковольтными деревьями».

Уж недалеко и то время, когда «огнь и хлад измордуют Планету» и будет «вместо неба - и сажа и гарь».

Но каким бы всемогущим ни был технический прогресс, но даже «век чудес», и тот легко «спотыкается на погоде». Вот разверзлись небесные хляби, нависли над землей тяжёлые тучи и беспомощно замерли на аэродроме «стальные птицы». И только душа человека, «и жизнью, и погодой дорожа», на земле «чувствует себя как дома».

Такое наступило время, когда в комнате поэта уже не раз пересекались «свет свечи и луч планеты».

Поэт рисует фантастическую картину не будущего, а настоящего, но она, если вдуматься и сравнить её с реальной действительностью, фантастическая только на первый взгляд:

*Когда всю нефть до капельки сожгли,
когда машины стыли мертвым ломом, -
деревья вдруг решились и пошли
возить людей средь этого содома...
Да, вырвав свои корни из земли,
стволами по земле ползли деревья...*

Потому-то и благодарит поэт за доброту «все травы и деревья - вплоть до кривого тосщего ствола». И верно, трудно представить, что «было б с этим миром» без них - жертвенных и сильных «дерев».

А по жизни всё чаще и чаще «схватывает сердце боль: их намного ль, их надолго ль хватит - рощ моих, лесов моих, боров?..». Потому сегодня нам, землянам, так «нужны купель и омовенье, чтоб обновиться до основ».

Готовы ли мы к этому? Он готов, а мы? Для поэта вопрос остается открытым...

4. «НЕТ МЕСТА МИЛЕЙ НА ЗЕМЛЕ...»

Перед этой землёй он чувствует личную ответственность. Она по судьбе стала его родиной: «это Север, родной Север, что на целой земле один». Север для него - это «провинция огромного размера».

Какая емкая земля!

Какая мощь у ней и сила...

Он пишет о ней вдохновенно, пишет с любовью. В «его теле, в любом его атоме есть привязанность к этой земле». Для него «Север - щедр и любую явит милость».

На этой земле, где «много щедрой доброты», он, «цена её чистый воздух и русский дух», еще может иногда уединиться и «вжиться мыслями и чувствами в её сельский простой обиход - просторный, просветлённый - бестелевизорный, бестелефонный».

Но хочется ему, живя на заповедном Русском Севере, окинуть взором и всю российскую землю, чтобы почувствовать себя на ней звеном в цепи прошедших поколений и частью её великой истории:

*Побрататься со всею бы Русью,
ощутить, как она велика;
всю судьбу её - с радостью, с грустью -
пережить бы: века и века...*

У поэта, природы ранимой и чувственной, и свое ощущение выпавшего на его долю времени. Он и книгу своим юбилейную назвал «Пристально просматривая время...». В его «сознание память» прокручивает время, как «ленту». Просматривая её, поэт восклицает: «О, сколько (даже на его веку!) миновалось эпох, периодов, времен!»

Он чувствует время обострённо, может, и потому, что ему в нем вместе с народом было суждено пережить трагические годы и дни, когда одних «косили пули, других - недоедание в тылу». Может, и потому, что «наш век от рожденья привык крушить старину без отчета». И потому, может, что, опалив душу и сердце, через его судьбу «столько нещадных пронеслось лет». Но!

*Уходят мелочи и числа,
подробности о том, о сём,
и остаются только мысли -
о жизни в целом, обо всём...*

Мысли о том, что он, оказывается, способен «в даль времени глядеть умом за много тысяч век». В уме он может не без волнения сопрягать времена и эпохи: «Двадцатый век?.. Шестнадцатый?.. Десятый?.. Иль грезит наяву душа моя?..» Так же точно и в жизни человеческой: «Десять лет пролетело, и двадцать промчалось, и тридцать...»

Век прошедший, на который и выпала большая часть жизни, отпущенной ему Богом, «не терпел ожиданья», как, впрочем, набирает уже немыслимое ускорение и век двадцать первый, который «не медлит, сквозь вечность несясь». Одно успокаивает, что «всё идет на земле, как давно predetermined».

Поэт, «глядясь в часы, как в зеркало», пытается «читать в них и свою судьбу». Через часы, «как через сердце кровь, бессонно перекачивается время».

Он понимает, что «время ведать не ведает, куда оно мерно идет», но рано или поздно именно оно всех и «всё поставит на места». Да и сами мы на земле «не осознаем вполне ту роль, которую нам дано сыграть». Не знает и поэт, сколько времени ему осталось жить и радоваться на земле даром Божиим - жизнью.

5. «ПЕРЕДО МНОЮ БЕЛЫЙ ЛИСТ...»

Писать Борис Чулков начал рано, «с тех пор, как разума глагол пробудил его душу», и когда «вся она затрепетала». Потому его вид, дом и быт на всю жизнь стали «стихийным продолжением самого поэта». Он был из тех обитателей «многоквартирных зданий», в душе которых с юных лет жила «романтика скитаний». Для него «символом Поэзии, Руси» была и остается до нынешнего дня русская деревня, несмотря на то, что сегодня «на земле великой, чудной, древней» он чаще видит разоренные и «нетрудоспособные деревни». Только здесь, в деревне, где «пятью окошками на юг глядит изба в просторы ветровые», он еще «может войти в природу», «языческую и светлую», и почувствовать её «всецелящий дух», который, «врачуя запахом пашен и рек, вливается в душу» и наполняет её силой и дарует вдохновение.

А еще раньше он, натура впечатлительная и рефлексивная, начал чувствовать поэзию, разлитую в самой природе. Она для него была «бытием и небытием» - в зависимости от времени года. Весной и осенью, зимой и летом «природа, свершая своё таинство», благословляет человека на великое сотворчество с ней:

*Союз труда и вдохновенья:
весь мир - в тебе, и жизнь полна,
и на пиру воображенья
пить нужно чашу - всю, до дна!..*

Вот почему он никогда не принимал природу и дары её «в холодной тине натюрморта и в тюрьме настенного пейзажа». («Я думаю, лес - это целая повесть, а грибы - стихотворные строчки»). Он всегда стремился «настроить искусство на прозрачность живительных вод». Для него мир окружающий был одновременно «и Господом, и рабом искусства».

Он боготворил природу и ни на секунду не сомневался, что душа его «в смертный час возьмет с собой» только то, «что в ней навечно: зной, золотистый словно мёд, лелеемую солнцем речку».

*В окне - прямые сосны
и жгучие созвездья,
морозно, поздно, грозно,
но в этом - и поэзия...*

Он рано почувствовал и красоту родного языка. Его бабушка изъяснялась языком «коренным, пахучим, искрометным, настоящим на травушках земли». Борис, по его собственному признанию, не смог не писать на этом языке - «величавом, естественном, раздольном, нелукавом». На нем, «великом русском языке», он хотел писать для людей «просто и понятно». Через него он ощущал «пространства, пути и века», его «объём необъятный». А язык, «вобравший всю объемность бытия», - это ещё, в его понимании, и «Поэт, величайший из всех».

Он и силу слова почувствовал через «певца небывалого (автора «Слова о полку Игореве»), чей голос был под стать водопаду, под стать листопаду». У таких, былинного размаха творцов, только и «обретает слово язык и вес и встаёт во весь рост свой исполинский».

Он любовался красками природы во все времена года, и, «глядя на природу, душа его ликовала и пела». В такие минуты он понимал, какое счастье при этом «владеть кистью или словом-созвучьем». Он хотел еще и словом «воссоздать каждый цвет, оттенок, запах каждый». Ему всегда «хотелось из светлых слов создать диво».

«Он верил только в слово», которое «тяготело к гармонии» и было «естественным, как листва». Он «верил в слово, верил, что найдет» те единственные слова, которыми он сможет передать любое движение жизни и любое явление природы.

Но вот пишет он об осенней березке. И так хочется ему «втиснуть в Слово всю прелесть её!» Сам же при этом понимает, что она давно уже «лучше, чем им, описана ветром, воздухом, светом, простором». Она так сказочно «трепешет, что в пору ей стать Поэзии выше самой», потому что «не слова, а само бытие всегда бесконечно прекрасней».

И всё же, уступая природе первенство, поэт и сам в поисках слова переживает мучительные минуты истинного счастья и никак не может отказаться от поэтического творчества.

Он пишет «без памяти, взалхев и всласть», «бывает, что запоем», решив раз и навсегда, что «писать будет всей кровью и дыханьем, которым живет». Бывает, что у него «слова наворачиваются, как слёзы». Бывает, что они «роем несутся, как мотыльки, на огонь души».

Поэт пишет, зная, что почти всегда «за строкой его стоят реальные события» и люди. Потому, взявшись за перо, нельзя «любить людей мимоходом», нельзя «о них писать от ума». Только при этом условии ты «будешь нужен и глубок», в противном случае - «дашь серое искусство». Тем более, нельзя в слове ни на йоту «солгать», за ложь «и взыщется, и спросится». Всё может быть, творческий процесс непредсказуем: «нескладница, бесплодье, безголосица», всё может быть, но только «не лебезенье и не ложь».

Так что за каждое слово, сказанное и написанное, поэт несет великую ответственность, о которой, что греха таить, не все и не всегда помнят, а часто просто забывают, особенно - начинающие литераторы. Борис Чулков свою ответственность за слово прекрасно осознает и правилу этому никогда не изменяет.

Ему хочется, чтобы и стих «сразу по рождению не стих, а поработал, как поэт, работавший над ним до пота». Он пишет о себе, о своих переживаниях, веря, что «кто-то в зеркале его жития вдруг узнает и себя самого». Поэт радуется, когда, «читая в поле стихи», чувствует, что простым людям в его стихах «всё - до последней строки - понятно». Они улавливают даже «подробности меж строчек». Бывает ли для поэта оценка выше этой?!

Вообще-то тайны «ремесла» занимают Бориса Чулкова постоянно. Тема «поэзии» и всё, что с ней связано, проходит красной нитью через многие его стихотворения. Он постоянно «изучал таинственный язык мыслителей, поэтов, музыкантов».

Не случайно он часто обращается к творчеству поэтов разных эпох и направлений, пытаюсь через них понять, как обычное слово, даже изрядно затасканное и давно потерявшее первоначальный смысл, вдруг под пером мастера становится волшебным и околдовывает читателя возвращенной ему новизной и свежестью.

В стихотворении, посвященном Константину Батюшкову, он написал:

*И верная рука наедине с пером,
И губы шепчут слово -
Крылато и свежо, умело и толково!..*

А вот строки из стихотворения Йоханнеса Бехера (перевод Б. Чулкова), и тоже посвященного поэту - Борису Пастернаку:

*Ты знаешь толк в метафорах, в их кладке
И в ритмике не ступишь невпопад.
И из души - потоком, без оглядки -
Вдруг вырвутся глаголы - и гремят..*

Читая стихи Федора Тютчева, Борис Чулков не без удивления замечает: «У каждого слова - такие глубины и бездны...»

Поэт и у других поэтов часто «видит взлёты и полёты мысли и духа». Это он написал уже после прочтения стихов Сергея Чухина.

Он и сам получал наслаждение, когда в процессе вдохновенной работы чувствовал, как «из мысли полновесного зерна зреет колосок стихотворения» и как «в тишине набухают семена грядущих песен». Порой ему «изменяло слово». Так ему, по крайней мере, казалось. Но он не переставал писать и не уставал «каждый день искать Америк на конце своего пера», потому что в бушующем море поэзии ему «хотелось стать Колумбом». Он свою «тетрадь не закрывал даже заполночь».

*Пишу картину мира снова -
передо мною белый лист..
Мир ничего от нас иного,
Кроме взыскующего слова,
Не ожидает, - грязен, чист,
Порочен, праведен, прекрасен,
Уродлив, подл и справедлив,
сыт, голоден, туманен, ясен,
Скуп на глагол и говорлив, -
он мне перо влагает в руки:
- Пиши, коль скоро ты речист,
как судишь сам, как по науке!
Перед тобою - белый лист!..*

Заканчиваю писать и радуюсь, зная, что и сегодня перед поэтом Борисом Чулковым лежит на рабочем столе «белый лист» и он мужественно и честно продолжает писать «картину современного мира...».